

АЛИСА МАРСО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

БЫВШИЙ

ОСКОЛКИ ПРОШЛОГО

Алиса Марсо

Бывший. Осколки прошлого

«Автор»

2026

Марсо А.

Бывший. Осколки прошлого / А. Марсо — «Автор», 2026

– Ты плохо меня слышишь? Где я сказал, что пошутил? Давай повторю еще раз и медленно. Я. Тебя. Не. Люблю. Ты не нужна мне больше, цель достигнута. Семь лет назад моя первая любовь, мой мир, моя вселенная разлетелись на мелкие осколки. Он ушел, а я положила замерзшие ладошки на свой еще плоский живот и поклялась, что все выдержу, все смогу, выплачу боль и снова подниму голову. Я сдержала слово, но теперь, по приказу начальника я должна заключить контракт с компанией моего бывшего, с мужчиной, который разрушил мою жизнь, иначе меня уволят.

© Марсо А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	22
Глава 10	24
Глава 11	27
Глава 12	30
Глава 13	33
Глава 14	36
Глава 15	39
Глава 16	42
Глава 17	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

БЫВШИЙ. Осколки прошлого

Глава 1

– Маша, ты плохо меня слышишь? Где я сказал, что пошутил? Давай я повторю еще раз и медленно. Я. Тебя. Не. Люблю. Цель моих отношений с тобой – это месть за Ника. Ты сломала ему жизнь, и я решил сделать с тобой то же самое, чтобы ты почувствовала, что значит быть отвергнутой. Цель достигнута. Ты не нужна мне.

Игнат – красивый, высокий, статный, такой родной и такой любимый, сейчас стоит передо мной с пустыми глазами, ледяным лицом и говорит жуткие вещи.

Мозг не осознает сказанное, не посылает сигнал сердцу болеть, внутри все замерло, словно поставили на паузу.

Я не могла дожидаться окончания пар, чтобы встретиться с ним, рассказать самую неожиданную и в то же время радостную новость, которая перевернет всю нашу жизнь.

На улице мрачный ноябрь, сумерки, и с неба сыпется морось. Бегу к своему любимому мужчине, кутаясь в пальто и не замечая мерзкой погоды. Ничего не может вызвать грусть, когда ты светишься изнутри.

А я пылала радужными огнями, жутко волновалась из-за реакции Игната на мою тайну, но все равно чувствовала невероятный подъем.

Он даже не поцеловал меня, как раньше: жадно, сладко, не заключил в крепкие объятия, словно мы вечность не виделись. Просто стоял, смотрел взглядом городской осени и не спеша убивал.

– Сегодня наша годовщина, как мы вместе, – пробую найти логику в словах любимого. – Это наверно какой-то изощренный сюрприз?

– Да, именно! Год назад, в этот день я решил, что ты будешь ползать у меня в ногах, в рот заглядывать, будешь засыпать и просыпаться с мыслью обо мне, без меня есть не сможешь, жить не сможешь, будешь любить так, что за встречу со мной душу дьяволу отдашь. Сегодня годовщина, как я решил уничтожить тебя, как ты сделала это с ним. Это мой праздник и твой крах.

Он не шутит. Он, правда, не шутит. Смотрит прямо, волком, готовый в глотку вцепиться, чтобы вырвать душу, разорвать на куски. Но ему и не нужно все это, он рвет меня на части словами.

Внутри зарождается буря из страха, боли и униженности. Я помню Никиту, и я не виновата. Игнат знает это. Знает же?

Дышать трудно. Свежий воздух превращается в удушливый смрад. Оттягиваю шарф на шее, чтобы не упасть прямо здесь.

– Игнат, я ничего ему не сделала, – шепчу, а глаза наливаются жидкой болью.

– Вот именно! – повышает голос мужчина. – Ты тупо игнорировала его, а он сдыхал из-за тебя, никому ничего не говорил, в себе держал, пока не решил, что ему нахрен не нужна такая жизнь. Сука, ты просто ничего не сделала!

От этого безумного, нечеловеческого гнева, который Игнат всеми силами пытался сдерживать, меня буквально отшвырнуло на мостовой. Невидимый удар под дых лишил остатков кислорода. Он любил меня, говорил, что жить не сможет, если я исчезну. А сейчас? Сейчас в его глазах ненависть, презрение и наслаждение от моей растерянности.

Тру глаза. Это все сон, просто нереальная параллельная вселенная. Люди не меняются за день, не превращаются из нежного, любящего, заботливого парня в исчадие ада с горящими глазами.

Я понимаю, о чем он говорит, но никогда не соглашусь и не приму это.

– Ты говорил, что жениться на мне хочешь, – как дура цепляюсь за мнимые соломинки, – говорил, что детей хочешь, что на руках носить будешь, что никогда не обидишь и не предашь.

Смотрю на его начищенные ботинки, на влажный серый асфальт, пожухлые листья, куда угодно, но только не на любимое лицо, искаженное гневом.

– Поверила? – уже тише, но невероятно холодно спрашивает Игнат.

Сглатываю и киваю головой.

– Вот и хорошо, мне так и надо было. На этом все, Маша. Прощай и никогда не попадайся мне на глаза. Считай, ты легко отделалась. Можешь последовать за Ником, чтобы больше никому не причинять зла.

Игнат разворачивается и уходит. Серый туман плотной завесой оседает на мостовую, в свете тусклых фонарей хаотично беснуются его капли, все привычно для этого города в это время, только родной силуэт становится все меньше, пока окончательно не становится маревом.

*

– Мария Ивановна, это не обсуждается, – строго басит Лев Борисович, директор частной школы, где я работаю. – Вы педагог-библиотекарь, а это, – стучит он двумя пальцами по документам из министерства, – то, что обязаны внедрить все частные школы, если не хотят лишиться аккредитации. Вся информация у вас на руках, для вас даже исполнителя нашли. Все, что от вас требуется, это встретится с руководителем «ПРОактив», заключить договор о сотрудничестве с учетом ограниченного бюджета и контролировать процесс внедрения.

– Лев Борисович, – стараюсь говорить сдержанно, но под этим давящим взглядом это все труднее сделать. – Я занимаюсь цифровизацией книжного фонда, у меня в разработке...

– Хватит! – Лев Борисович встает в полный рост и кладет на папку в моих руках еще и распоряжение Минобразования. – Мария Ивановна, первый рабочий день в этом учебном году трудный не только у вас. Не испытываете мое терпение.

И вот я стою перед кабинетом учредителя ООО «ПРОактив» Стрельцова Игната Эдуардовича и не могу поверить, что судьба снова играет со мной злую шутку и ведет напрямик в лапы мужчины из прошлого, который разрушил мою жизнь.

Глава 2

Дверь в кабинет директора открывается, и я вижу его, стоящего ко мне боком и читающего документы. Высокий, спина прямая и гордая, профиль жесткий, серьезный, упрямый. Игнат сосредоточенно изучает бумаги, и плевать ему на то, что кто-то сейчас стоит в коридоре и снова медленно умирает.

Прошло семь лет. Семь долгих, длиною в жизнь, лет, а он совсем не изменился, лишь сильнее возмужал, стал строже, красивее и, кажется, выше, словно возвышается над всеми, не склоняя головы.

А я? Я отшатываюсь к стене, неуверенно жмусь к прохладному бетону и теряю и без того зыбкую почву под ногами.

Семь лет назад моя первая любовь, мой мир, моя вселенная разлетелись вдребезги на острые, беспощадные осколки, которые исполосовали мое нутро и остались в жилах, как напоминание о том, чего, оказывается, у меня никогда и не было.

Он не любил меня, лгал о нашем совместном будущем, окутал иллюзией счастья, а потом безжалостно бросил. Он просто отомстил за брата.

Игнат ушел, а я еще долго стояла на мостовой и смотрела на стремительную реку, которая уносила с собой остатки моего света. Слезы на щеках смешались с капельками тумана, который пробирался до самых костей и заставлял дрожать. Но было ли мне холодно или это остывало мое разбитое сердце.

Игнат пожелал, чтобы я отправилась за Ником, но даже если бы захотела, не смогла. Тогда, я положила замерзшие ладошки на свой еще плоский живот и поклялась, что все выдержу, все смогу, выстрадаю всю боль и снова подниму голову.

Я думала, наша годовщина запомнится нам навсегда и станет новой точкой отсчета, для меня и Игната, как для новой молодой семьи, но этот день превратился в маленькую смерть и повернул жизнь на сто восемьдесят градусов.

Мне было двадцать, я училась на третьем курсе филологического факультета, и была беременная от Стрельцова Игната. И я не знала, что теперь делать.

Собрав себя в кучу и наступив на горло гордости, я позвонила ему на следующий день, чтобы сказать, что он станет отцом. Я надеялась, что эта новость растопит его ледяное сердце, а над моей головой пусть и в мерзком ноябре, но снова засветит солнце, но абонент был недоступен.

Тогда я пошла к нему, на его съемную квартиру и стучала так долго, пока не открыла дверь соседка и не потребовала перестать шуметь. Она сказала, что Игнат съехал еще вчера и где он сейчас никто не знает.

Я словно сошла с ума, считая, что нужно, во что бы то ни стало найти его и сказать о беременности, что она все исправит между нами и жуткая боль уйдет.

Игнат окончил университет и уже год работал в компании по внедрению цифровой среды, и я помчалась туда. Не нашла. Он уволился, забрал документы и, по словам коллег, рано утром улетел в неизвестном направлении.

Это был крах. Я больше не знала, куда бежать, надежды не осталось, и я, склонив голову и опустив руки, пошла домой.

Закрывшись в комнате, я долго взхлеб рыдала, пока моя мама, мой родной и светлый человечек не вскрыла дверь и все из меня не вытрясла.

– Ты будешь рожать! – твердо сказала она. – Ты родишь летом, переведешься на заочное обучение и будешь самой любящей мамой на свете. А я тебе помогу.

Так я и сделала, да и других мыслей у меня и не было. Я была безумно благодарна своей маме за поддержку, за веру в меня, что не осудила, не уговорила избавиться от ребенка, а всегда была рядом, впрочем, как и сейчас.

В июле я родила маленького голубоглазого шатена, копию своего отца, которого за шесть лет своей жизни он так и не увидел.

Я безумно люблю своего сынишку, умного и сообразительного не по годам, который с малых лет увлекается робототехникой и неплохо преуспевает в этом. А я делаю все, чтобы он не чувствовал никаких лишений.

Мой отец ушел, когда мне было десять лет, и мама растила меня сама. В тот день в комнате, когда я думала, что больше не смогу встать с кровати, она сказала:

– Месяц, дай себе месяц на слезы, самобичевание, истерики, жалобу к себе, а потом встань, умойся и вспомни, что ты в этой жизни не одна, есть люди, которые тебя любят, и есть тот, – она погладила меня по животу, – который еще и нуждается в тебе. Время не всегда лечит, но жизнь продолжается, и ни один мужчина в мире недостоин того, чтобы ты потратила ее впустую.

Через месяц я стояла перед зеркалом и натягивала на себя улыбку. Это оказалось несложно. Я продолжила жить, но только я знала, какая зияющая дыра осталась в моем сердце и так и не затянулась. Я пронесла ее через года и сроднилась с ней, но каждый раз, когда смотрю в голубые глазки своего Темы, рана тихо и непроходимо саднит.

Вот и сейчас, я упираюсь спиной к стене, смотрю на призрак из моего прошлого и не понимаю, зачем судьба снова столкнула нас двоих.

Двери не закрываются, в кабинет заходят и выходят люди, что-то спрашивают у своего руководителя, он отвечает, они поспешно убегают.

Я по записи. Наступает время моего приема, а я не могу сдвинуться с места. Смотрю на свое отражение в матовом стекле двери: рыжие волосы беспорядочно собраны в пучок на затылке, на лице минимум косметики, одета в банальную одежду для частной школы: белая блузка, черная юбка, туфли на плоской подошве и папка с документами в руках.

Секретарша Игната выглядит стильнее и ухоженнее, чем я.

Неожиданная встреча выбивает из колеи, а придирчивый взгляд на свой образ окончательно убивает уверенность в себе. Я все еще не решаюсь зайти в кабинет, но внезапно дверь широко распахивается, из помещения выходит Игнат и занимает не только все пространство узкого коридора, но и забирает оставшийся кислород. Он тормозит возле меня, впивается в лицо цепким взглядом, хмурится, и через мгновение, которое кажется вечностью, в приказном тоне бросает своей секретарше:

– Оксана, отмени на сегодня все встречи. Меня ни для кого нет.

Глава 3

Вечеринка в честь начала нового учебного года в институте уже в разгаре.

Я стою, прислонившись к прохладной стене, и наблюдаю за одурманенными молодостью, слабоалкоголкой и рвущихся наружу гормонов студентами.

Полумрак помещения усиливал эффект таинственности и вседозволенности, а медленная музыка окутывает трепетной эйфорией.

Наблюдаю за танцующими парочками и тихо завидую. Скромная, тихая, умная девочка никому не интересна. Осматриваю присутствующих и внезапно наталкиваюсь на прямой, пробирающийся под кожу взгляд голубых глаз. Столбенею, пытаюсь стряхнуть мираж, но мурашки повсюду уже бегут по коже.

Он – парень с пятого курса, мечта каждой девчонки и мой ночной, несбыточный сон.

За спиной стена. Рядом никого. Это не ошибка – Игнат Стрельцов хмуро, проникновенно, не моргая, изучает меня.

Сглатываю, когда вижу, как не спеша, вальяжной походкой он подходит ко мне, без разрешения берет за руку и ведет на танцпол.

Кожа на запястье горит огнем, а внутри все переворачивается от невероятной близости наших тел. Игнат нагло прижимает меня к себе, и мы начинаем двигаться в танце.

Перед глазами все плывет, в ушах звенит, а запах табака разбавленный нотками свежего лайма пробивается в легкие и перекрывает способность дышать. Не понимаю, сплю я или все происходит на самом деле?

Игнат, родной брат моего однокурсника Никиты, с которым я пересекалась на некоторых парах. Ник всегда садился рядом со мной, но вот уже два месяца, как он перевелся на свободное посещение, и с нашего потока только я знала почему.

Впервые, когда я увидела Игната рядом с Никитой, земля ушла из-под ног и, кажется, больше так и не вернулась. Я была скромной студенткой, но с чувством собственного достоинства, поэтому никогда открыто не пускала слюни на этого властелина женских сердец, а лишь незаметно поглядывала из-под опущенных ресниц, а ночами строила воздушные замки.

И вот он, сам Игнат Стрельцов, подошел ко мне при всех и повел танцевать.

При первой нашей встрече я стеснялась поднять на него глаза, при последней – была не в силах.

И вот я стою в душном коридоре его компании, смотрю в угрюмое лицо и молю бога, чтобы началось землетрясение.

Когда-то давно, семь лет назад, когда месяц стенаний подходил к концу, от жуткого стресса и бесконечного плача я попала в больницу на сохранение. В тот день, я раньше установленного срока подошла к зеркалу, натянула на лицо безжизненную, но улыбку и пообещала себе, что больше никогда не буду плакать из-за этого человека, никогда не опущу глаза ему на ботинки и не отступлю назад. У меня есть ради кого жить, беречь себя и кому улыбаться.

Сейчас настал момент испытать на прочность собственной установки, и я чувствую, что стремительно пасую. Голубые глаза напротив жестко проникают в самое сердце и невидимой рукой останавливают его разбег. Игнат сканирует мое лицо, он неприятно изумлен, но лишь на мгновение теряет контроль, а затем его взгляд снова становится холодным и безразличным.

Он разрывает зрительный контакт, поворачивается и широким шагом стремительно уходит. А я шумно выдыхаю углекислый газ, смешанный с до боли знакомой смесью табака и лайма, покрываюсь липкой испариной и в ужасе провожаю знакомый силуэт, пока тот не скрывается за поворотом. Как в тот роковой день, только сейчас нет тумана и возможности спрятать за моросью нахлынувшую боль.

Я думала, что выздоровела и теперь в моей крови стойкие антитела к этому мужчине, но одним своим появлением, убийственным взглядом и ледяным голосом он разрушил годами выстроенную стену и вернул на семь лет назад.

– Мария Ивановна, извините, вы слышите меня?

Возвращаюсь в реальность и вижу перед собой недовольную секретаршу.

– Игнат Эдуардович отменил на сегодня все встречи. Приносим свои извинения. Вас записать на другой день?

До меня медленно доходит смысл слов девушки. В итоге я не определено качаю головой и буквально выметаюсь из этого здания.

Глоток кислорода приводит в чувства, я добираюсь до ближайшей скамьи, обессиленно падаю и остервенело потираю лицо.

Нет, больше я не поведусь на эти провокации. Хватит! Мы не можем работать вместе. Я не могу! Даже после пяти минут нахождения рядом с ним чувствую себя в смятении, мозг отказывается трезво мыслить, а язык и конечности не слушаются. Что же будет, когда нужно будет обсуждать проект?

Господи, я давно не люблю этого мужчину, не переносу, даже презираю, но почему же тогда рядом с ним я снова становлюсь маленькой, наивной студенткой, которой в дребезги разбили сердце, а затем утопили осколки в ноябрьских лужах.

Без раздражителя быстро прихожу в себя и даже порядком разозлившись, спешу обратно в школу. Не буду я заниматься внедрением в школьное образование виртуальных экскурсий. Это, конечно, здоровский проект, но психическое состояние дороже.

Неужели у нас в школе не найдется преподаватель, который тоже с этим справится? В конце концов, можно привлечь учителя истории или географии, еще есть литература. Почему этим должна заниматься именно я? Я что, самая свободная?

Залетаю в приемную и на взводе иду напрямик в кабинет Льва Борисовича.

– Лев Борисович, извините, пожалуйста, но у меня по делу.

– А у меня не кабинет психолога, чтобы заходить на чай и поболтать, – резко осаждает меня директор, не поднимая голову от каких-то бумаг.

Медленно делаю глубокий вдох и такой же выдох. Ну, почему все красивые и представительные мужчины – такие надменные гады?

– Лев Борисович, я не могу и не буду заниматься этим проектом, – на свой страх и риск протестую прямо.

Директор изумленно вскидывает брови и откидывается на спинку стула.

– Не можете или не будете, Мария Ивановна?

– Послушайте! В нашей школе есть много преподавателей, профессионалов своего дела, которые тоже непосредственно будут использовать виртуальные экскурсии на своих уроках. Замените меня.

– Вы не ответили на мой вопрос.

Черт, что же ответит. Для «не могу» у меня нет аргументов. Я-то могу.

– Не буду. Есть веские причины, но они не касаются нашей частной школы.

– Значит, и работать здесь вы не будете. Если вы не держитесь за место в престижном заведении и к тому же позволяете себе оспаривать мои решения, то прошу, Мария Ивановна, за дверь. У меня на сегодня назначено несколько собеседований, и я уверен, эти кандидаты оставили дома все свои личные проблемы, а сюда идут исполнять свои обязанности. Вы свободны. Закройте дверь с той стороны.

Глава 4

Вылетаю из кабинета директора и фурией несусь по коридору школу. Вся эта ситуация выбивает из колеи. У меня своих забот хватает, одна цифровая среда чего стоит, а это не просто создать электронную базу книг с доступом на любом компьютере школы, нужно еще прописать все ключевые слова для поиска нужной литературы в каждую карточку книги.

Захожу в столовую, трясущимися от негодования руками беру кружку чая и ищу место подальше, в уголке, чтобы выдохнуть и успокоиться. Мало мне того, что в мою жизнь без приглашения снова врывается мой персональный ад из прошлого, так еще и директор грозит увольнением. Я практически одна тяну свою семью, поэтому остаться без работы мне нельзя.

Злость на Льва Борисовича притупляет боль от воспоминаний, и я судорожно пытаюсь придумать, как сделать так, чтобы не пересекаться больше с Игнатом. Господи, да меня от одной мысли о нем до костей пробирает озноб. Не люблю осень, ненавижу ноябрь.

За одним из столиков вижу Марину, преподавателя математики и по совместительству мою близкую подругу. Хотя бы я в этой школе не буду эгоисткой, поэтому, зная шаткое положение подруги на личном, иду к ней узнать как дела.

– Привет, Маш, где с утра пропала? – спрашивает подруга, но по глазам вижу, совсем невесело ей.

– Привет, дорогая. Лев Борисович задание дал, но не хочу об этом говорить.

– Что-то серьезное? – хмурится Марина.

– Правда, не хочу говорить, может, потом, – отвожу глаза, чтобы подруга не почувствовала неладное и не вытрясла из меня правду. – Ты лучше скажи, говорила уже с бывшим мужем?

– Да, спустя столько времени он требует общения со своим сыном, – вздыхает Марина.

– Вспомнил, наконец, что отец? А Андрюшке как все объяснишь? Переходный возраст на горизонте, может и тебя крайней сделать, что про отца под боком не сказала, – предполагаю я, а у самой внутри все щимит, потому что мой сын, так же как и Маринин, никогда не видел своего отца.

– Маш, я не знаю, что мне делать. Мы прекрасно жили без него. У меня и так на работе сейчас сплошной стресс, еще и он нарисовался.

Звенит звонок, подруга многозначительно поджимает губы и уходит на урок, а я откидываюсь на спинку стула и устало прикрываю глаза.

Вот и мы прекрасно жили без Игната, но после встречи с ним кроет паника. У меня семья, стабильный быт, работа, умница сын, все привычно и размеренно. Пусть неидеально, но зато не больно, зато никто не рвет душу.

Черт, выть хочется. Я не могу потерять в этой школе теплое место, поэтому придется подчиниться распоряжению директора и снова идти в «ПРОактив». От одной этой мысли все органы скручивает в тугий жгут и начинает тошнить.

Уверена, Игнату до меня нет дела. Как не было семь лет назад, так и сейчас не будет. Это просто работа, просто проект, временное общение и сотрудничество. К тому же он меня не узнал, смотрел, стирал взглядом, но ничего не сказал. Или просто не захотел?

Мне нужно в первую очередь убедить себя, что этот мужчина ничем мне не угрожает. Он не знает о сыне и за то недолгое время, что нам придется пересекаться, и не узнает.

Чего я боюсь на самом деле? Что Игнату станет известно об Артеме? Нет, я сделаю все, чтобы этого не случилось, но даже если и так, Стрельцову будет плевать. Он ненавидит меня, и за эти годы ничего не изменилось. Его брата рядом с ним нет, а это главная причина, по которой он вообще сыграл в тир с моими чувствами.

Я боюсь другого. Боюсь, что недостаточно зализала свои раны, плохо заштопала дыры в груди, не забыла его горячие руки, жадные поцелуи, не вытравили из памяти обещания, слова любви, эти дьявольские, проникновенные голубые глаза. Все сделала недостаточно, и сегодняшняя реакция на этого мужчину тому подтверждение, а еще отголоски саднящей тоски, когда смотрю на его маленькую копию у меня под боком.

Я думала, что ненавижу Игната до глубины своей израненной души, но сегодня, когда увидела снова, просто забыла, как дышать, словно получила удар под дых и эти несколько слов, убийственных, сжигающих заживо «Я. Тебя. Не. Люблю» размазали по стенке все мои клятвы и обещания самой себе. Но я не сдамся.

Остаток дня занимаюсь своими обязанностями, максимально загружаю себя работой, чтобы на мучительные воспоминания не было ни секунды. К концу рабочего дня выключаю компьютер, сдаю ключи от библиотеки и иду на остановку.

В сумке играет телефон, звонит мама.

– Машунь, ты уже закончила работать, не задерживаешься сегодня?

– Нет, мам, скоро уже буду. Что-то случилось?

– Нет. Мы с Темой ждем тебя ужинать. Я неважно себя чувствую, поэтому потом буду отдыхать. Зайди, пожалуйста, в аптеку и купи мои таблетки для сердца. Одна осталась. И еще хлеб закончился, молоко, и Артем попросил что-нибудь сладенького.

– Хорошо, мамуль, куплю. А что, Андрей еще не пришел? Он не может вниз спуститься?

– Пришел, поел и футбол смотрит, там какой-то матч сегодня важный. Я просила, но... Зайди, в общем, по дороге.

– Ясно. Все куплю, не волнуйся.

Кладу трубку и чувствую, как на плечи ложится вселенская тяжесть. Моя мама, мой родной и бесценный человек, женщина, которая вытянула меня из агонии депрессии, заставила расправить плечи и поднять голову выше, полгода назад перенесла инфаркт. Я думала поседею под стенами больницы, когда ее доставили по скорой, а меня туда не пустили.

Для нее я куплю не только эти таблетки, но и, наконец, уговорю сделать операцию.

Счастлива ли я как дочь? Да. Счастлива, как мать? Безумно счастлива. Как женщина? Два года назад думала, что да, но сейчас, перебирая ногами в сторону дома, понимаю, что просто привыкла, смирилась со своей участью. Все можно изменить, но привычное менять трудно. Так же живут все.

Переступаю порог квартиры и первым вижу Андрея, который выходит из кухни с бутылкой пива и пачкой соленых орешков.

– О, жена с работы вернулась. Пива оставить?

Опустошенно качаю головой.

Глава 5

Тёму я родила чуть раньше срока, не критично, но винила в этом я себя. Внешнее спокойствие было скорее для мамы, внутри, особенно холодными ночами, я плавила от душевной боли и тоски по мужчине, который никогда не любил.

Можно ли любить самозабвенно? Можно, и я не знала, как прекратить эту пытку. Я ревела ночами белугой, а днем, затолкав воспоминания в самый темный угол, передвигалась, ела, училась, но, кажется, на полном автомате.

Я сдала все зачеты и экзамены экстерном и осела дома. Рядом была только мама, а я превратилась в округлившуюся клушу, которая вообще не хотела ничем интересоваться.

Рождение Артема повернуло во мне какой-то переключатель, выключило назад рубильник и, когда я увидела эти небесно-голубые глаза, я, наконец, поняла, на кого направляю всю энергию своей любви.

Можно любить самозабвенно? Можно, особенно, если это твой малыш.

Часть души опустела, другая наполнилась яркими чувствами, и я цепко держалась за них.

С Андреем я познакомилась, когда Тёме было три года. Я только вышла из декрета и устроилась работать в небольшую, районную школу библиотечкарем. Мое образование позволяло преподавать профильные предметы, но тихое помещение с безумным ароматом бумажных книг моей замкнутой натуре было ближе.

Андрей был родным дядей одного из учеников и пришел разговаривать со мной по поводу испорченной книги. Компромисс мы нашли, но с того дня он стал периодически заходит ко мне, пить в обед чай, часто помогать с мелким ремонтом деревянных стеллажей.

Со временем я привыкла к его присутствию, и тогда он осмелел и пригласил на свидание.

На мои протесты, что мне нужно заниматься ребенком, мама вытолкала меня взашей, ругаясь, что мальчику нужен отец.

Конечно, она была права, с детской психологией я, поскольку постольку знакома, вот только я сопротивлялась не тому, чтобы у Артема не было мужского примера, я не хотела впускать в свое сердце больше ни одного мужчину.

Андрей не торопился, мягко и совсем неагрессивно располагал меня к себе. Вот только он не мог сравниться с Игнатом: напористым, самоуверенным, смело идущего к намеченной цели, и это невероятная разница, полная противоположность, четкий контраст сначала до невозможного отталкивала от Андрея, а потом я поняла, он не причинит мне боли, не растопчет чувства, просто потому, что не хватит духа. Ему нужен был комфорт, теплая постель и женская забота. Спустя год мы поженились.

Андрей был из области, работал экспедитором на фирме по продаже бытовой техники и в городе снимал квартиру. Я же жила в трешке, которая досталась маме еще от моей бабушки. Здесь я родилась, выросла и стала жить со своей семьей.

Сначала мама радовалась за меня, потом снисходительно улыбалась отсутствию амбиций у моего мужа, а затем просто стала помалкивать. За последних полтора года Андрей сменил четыре работы и сейчас был оформлен на оптовом складе кладовщиком.

– Не всем быть бизнесменами, зато он с руками, принял твоего сына, как своего и тебя любит, – говорила моя свекровь.

Мама по состоянию здоровья тоже уволилась, но я бы и не позволила ей напрягаться и нервничать. Муж работал, но его зарплаты на многое не хватало, поэтому всю ответственность за благосостояние я взяла на себя. Мы не шиковали, на курорты не ездили, но у нас было все необходимое, а главное, мой сын, моя отрада ни в чем не нуждался.

– Андрей, снова пиво? – разужаюсь и прохожу в зал.

Тёма выползает из своей халабуды под столом и с лучезарной улыбкой несется ко мне.

– Мамочка пришла! – пищит сын и крепко обнимает.

– Привет, родной! – и на сердце становится тепло. – Как день прошел?

– Нормально прошел. Как всегда дом, сад, сад, дом, – пытается переиначить мои же слова.

– Ты сегодня не гулял?

Обнимаю сына, и мы идем на кухню накрывать на стол.

– Нет. Бабуля плохо себя чувствовала, поэтому я построил дом в зале и строил из лего космический корабль.

Мою руки и принимаюсь за ужин.

– Ясно. Тём, в эти выходные поговорю с учителем робототехники, если хочешь, будешь к нему на индивидуальные уроки ходить. Мне кажется, один раз в неделю тебе уже мало.

– Давай, – коротко отвечает сын и начинает расставлять тарелки.

– Мама, присядь, я все сама сделаю. Таблетки я купила, в коридоре на тумбочке возьми.

– А что я, сильно перетруждаюсь? – отмахивается мама и достает из микроволновки тарелку для Артема.

Мы ужинаем вдвоем, Андрей к нам не выходит, а из зала только и слышны крики: «Да куда ты..? Пасуй, ну ты чего! Придурки!»

Мама укоризненно смотрит, но молчит.

– Я все вижу, мам. И слышу. Поговорю.

Мама – идеальная теща, она взяла себе за правило не вмешиваться в мои отношения с мужем, ему грубого слова не говорит, но и лишней раз помощи не просит. Я благодарна ей, что и мне не пилит мозг, а всегда даст совет или просто выслушает.

На самом деле мама очень помогает мне с Тёмой. Я с утра до вечера на работе, только вечером и в выходные дни могу уделить время ребенку, а вот Андрея, кажется, давно все устраивает.

Секс у нас не частый гость, да и назвать эти пять минут сексом трудно. Я помню, как мужчина может доставлять женщине удовольствие, помню, как могут выкручивать мышцы от подступающего оргазма, как не хватает воздуха, потому что губы сминают его, нахрапистые, помню, как кожа горит под мужскими ладонями, а между ног пожар. Много чего помню, но больше не испытываю. Важно ли это? Не знаю. Наверно секс не главное.

Вот только Андрей стал инфантильным во всем. По дому ничего не делает, что-то починить, быстрее мастера вызвать, пропадает на работе, приходит с пивом и считает это вполне нормальным расслаблением после рабочего дня. Только это практически каждый день и часто не одна бутылка.

Сказать, что мы с ним ссоримся, нет, живем мирно, спокойно, он вечерами лежит на диване, смотрит телевизор, я как порядочная жена его обслуживаю.

Норма ли это в моем понимании? Да нет, конечно, только я боюсь по-другому. Безумно боюсь остаться одна, почувствовать себя ненужной, одинокой. Андрей хоть и несильное плечо, но все равно сопит под боком и дает чувство нужности. А сегодня, после мимолетной встречи с Игнатом, я еще больше убеждаюсь в том, что Андрей не герой моего сердца, но он, по крайней мере, его не разбивает.

Пока убираю со стола, мою посуду, подметаю пол, наступает время укладывать Тёму спать. Стою в проеме между комнатами и ловлю себя на мысли, что уже два года, день ото дня, вечер к вечеру ничего не меняется. Чертово колесо Сансары.

Выдыхаю, время-то тикает. Мама уже отдыхает в своей комнате, Андрей дремлет в зале, а я беру сына, мою его и читаю на ночь какую-нибудь познавательную сказку.

Сын засыпает, а я смотрю в окно на ночное небо и думаю: «А где здесь я? Где мои желания, увлечения, чего я вообще хочу добиться, к чему стремлюсь? Мне двадцать семь, а кажется, что вся жизнь на автомате колеса».

Безумно хочу по-другому, хочу чувствовать, хочу хотеть. Пусть даже плакать, пусть будет больно, но жить пустой куклой больше не хочу.

Чертов, Стрельцов! Две минуты и мысли опять в клочья.

Глава 6

Открываю глаза, все еще лежу в кровати сына, так и не перешла в семейную спальню. Не первый раз. Андрей обычно за мной и не приходит, сам может уснуть в зале до утра.

Встаю, мама уже на кухне, готовит завтрак. Умываюсь, помогаю с бутербродами и кашей для Темы, бужу сына. Подтягивается Андрей.

– Доброе утро, – муж целует меня в щеку, садится за стол и ждет, когда я поставлю ему кружку с чаем.

– Доброе, – отвечаю и продолжаю привычный ритуал. – Мама, как ты себя чувствуешь.

– Все хорошо, дочь, не волнуйся. Вчера, видимо, магнитные бури были или еще что, сегодня все хорошо.

Киваю, но ответ не принимаю. Мама – сильная женщина, никогда лишней раз помощи не попросит и жаловаться не станет. Знаю это, поэтому стараюсь читать ее по глазам и движениям. Когда все действительно хорошо, мама бодра и улыбается, а когда, как сегодня, передвигается неспешно, молчит, а на лице тишина, понимаю, что обманывает, чтобы не расстраивать меня, не беспокоить.

Мама-мама, ты же у меня один из самых дорогих людей на свете. Кому как не мне заботится о тебе, помогать и беспокоиться. Как ты всегда это делала по отношению ко мне.

Когда отец ушел, я была заиклена только на себе. Он встретил другую женщину, влюбился, как мальчишка, и в один прекрасный день стал папой для другой девочки. В десять лет я мало что понимаю в любви и отношениях между мужчиной и женщиной, поэтому я слышала лишь себя. Не то, чтобы я сильно была привязана к отцу, но в нашем доме, в нашем привычном, семейном укладе что-то незримо и необратимо изменилось. Я чувствовала какую-то тяжесть внутри, словно меня бросили, но я не осознавала почему. Я жила, как и прежде: школа, дома, подружки, вот только мама перестала светиться, реже стала обнимать, больше работать. Я лишь раз видела ее слезы, потом она просто превратилась в женщину, в глазах которой померк свет.

С одной стороны, для меня ничего не изменилось, но я всеми фибрами души чувствовала, как она отгораживается от мира и погружается в свой маленький, где есть место только ей и мне.

Когда я стала старше, лет в семнадцать, я спросила ее, почему она не выходит второй раз замуж? Я взрослая, все уже понимаю, но она грустно улыбнулась, погладила меня по длинным, рыжим волосам и коротко сказала:

– Я просто не встретила мужчину лучше, чем твой папа, а таких же, которые ломают, нам больше не надо.

Больше тему ее мужчин мы не поднимали, пока в моей жизни не появился Андрей.

– Маш, не совершай ту же ошибку, что и я. Знаешь, женское одиночество разрушительно, оно старит не только тело, но и душу. Андрей – неплохой мужчина. Возможно, не лучший, но он любит тебя. Попробуй. Расстаться всегда можно, а вот упустить свое счастье будет обидно.

И я попробовала. С Андреем спокойно, он не прихотлив, всегда дома, если надо, то и за Тёмой в сад сходит, кран починит. Конечно, есть в нем и отрицательные качества, как без этого, но самый большой минус заключается в том, что я не смогла впустить его в душу. Пыталась, даже думала, что получилось, но сейчас понимаю, что он мне как приятный сосед. Не больше. А его затухающая инициативность – доказательство тому, что и для него я не стала той ненаглядной отрадой, ради которой хочется меняться и двигать горы. Нам просто удобно друг с другом и с этим пора что-то делать.

Провожая Андрея на работу, на пороге он привычно целует меня и обнимает.

– Увидимся вечером, Мань.

– Увидимся. Только заberi сегодня Тёму из сада. Не хочу трогать маму. Пусть больше отдыхает, а я созвонюсь с кардиологом, которого мне посоветовали, и попробую уговорить ее сходить на консультацию.

– Добро. Как скажешь.

Собираюсь на работу и одеваю сына.

– Я возьму с собой свой космический корабль и еще детали. Можно, мам? Мы с Ромой станцию построим, а я дома подключу ее к проводам.

– Конечно, можно. Не спрашивай, это твои игрушки, – складываю леги в рюкзачок сына.
– Как решил, так и делай.

– Маша, может не нужно врача, это все-таки деньги и немаленькие. В частной клинике не бесплатно же, – упрямится мама, видимо, услышав наш разговор с мужем.

– Ма, давай не будем. Не дешевле, чем бесконечно сидеть на таблетках, которые тебе особо не помогают. Сходим, все узнаем, а лечение или операцию можно и по ОМС сделать, наверно. И давай про деньги не думай, я не зря в престижной, частной школе работаю и терплю начальство, чтобы мы еще на здоровье сэкономили.

Отвожу Артема в сад, обнимаемся, и я бегу на маршрутку. Вроде все по плану, даже не опаздываю. Как всегда.

Не успеваю сесть за рабочее место и включить компьютер, как звонит внутренний телефон.

– Мария Ивановна, вас к себе вызывает Лев Борисович, – щебечет секретарь директора Лизочка.

– Иду, – вздыхаю, но встаю.

Работу мне сейчас терять никак нельзя: зарплата хорошая, соцпакет, всегда можно и Тёму к себе привести и отпроситься куда нужно, да и часы замены преподавателей хорошую надбавку дают, а за этот проект, будь он неладен, я еще и премию себе выйду.

Лев Борисович, конечно, еще тот диктатор, требует беспрекословного подчинения и рабочей дисциплины, но вот что у него не отнять, так это чувство справедливости. Он умеет раздавать не только кнуты, но и пряники, а за хорошую работу, рейтинг школы или педсостава, отличные результаты учеников на олимпиадах и спортивных мероприятий всегда отлично поощряет. Я здесь работаю уже два года и точно знаю, что идеальных образовательных учреждений нет.

Стучу в дверь и, не дожидаясь ответа, захожу в кабинет своего начальника.

– А вот наша Мария Ивановна, сердце нашего учебного процесса. На ее плечах не только организация и контроль за внеурочной деятельностью школьников, но и цифровизация нашего библиотечного фонда.

О, у кого-то хорошее настроение сегодня. Выдыхаю, но когда глаза падают на широкую шею, идеально выбритый затылок и запястье, украшенное дорогими массивными часами, под которыми выются черные языки пламени татуировки, забываю снова вдохнуть. Гость Льва Борисовича оборачивается и встает.

– Мария Ивановна, познакомьтесь, Стрельцов Игнат Эдуардович, учредитель "ПРОактив", фирма которого выиграла тендер на внедрение в нашем учреждении проекта Минобразования «Виртуальные экскурсии по России». С ним вам и предстоит работать, если вы, конечно, не передумали, после последнего нашего разговора.

Завуалированный намек директора школы я прекрасно понимаю, а вот непроницаемое вырождение лица мужчины из моего прошлого, нет.

Выше поднимаю подбородок, стискиваю зубы и стараюсь медленно дышать. Игнат смотрит прямо в глаза, прожигая в них черную космическую дыру, и не двигается. А я тихо, незаметно выдыхаю и надеваю маску безразличия. Бешено случающее сердце, и пульсирующая кровь в висках останется только моим секретом.

Глава 7

Маша! Ма-а-а-ша! Как сильно я ненавидел это имя, и как жестко оно отпечаталось на моем сердце в груди.

Какого черта она пришла в мой офис? Какого черта мы вообще пересеклись в этом огромном городе? Семь лет! Я не видел ее целых семь лет. Безумно хотел, но боролся с собой, заставлял себя думать, что она мне никто, что я сделал все правильно, но не прошло и полугода, как вся моя броня к черту рухнула.

Мерзкий ноябрь поставил между нами точку, оставил ту пропасть, к которой я стремился целый год. Длинный, мучительный, сбивающий с намеченного плана год. Но я добился цели, всегда добиваюсь. Не мог отступить, не мог повернуть назад. Уже не мог. Иначе...

Иначе предал бы себя, предал бы младшего брата, иначе сдался бы гребенной тоске в груди, тому притяжению, что невероятной силой тянула меня к ней. Я не мог. Тогда не мог.

Я ушел, но всеми позвонками, всеми нервными отростками чувствовал ее наполненный болью взгляд, слышал ее медленно затухающий стук сердца, слабое дыхание, дрожь замерзшего тела. Закрыв эмоции, стиснул зубы, поставил чертову галочку в конце пути. Дурак, думал месть принесет облегчение. Как бы не так.

Я оборвал все концы, вернул ключи от хаты, ухватился за предложенный проект и на следующий же день улетел в другой город. Все подготовил заранее. Шел на последнюю с ней встречу, зная, что скажу, какими словами бить буду.

Все так и сделал, а потом за тысячу километров от нее тонул в собственной ярости, топил презрение к себе в дешевом виски в компании продажных девок, но даже спустя время, я не забыл этот чертов день ноября, смотрел на календарь и помнил, как уничтожил что-то прекрасное сразу в нас двоих. В этот день всегда шел дождь, который неумолимо заливал город, но не очищал совесть.

Капли стучали по стеклу, как маленькие, стальные пули, и каждая из них напоминала о ней. Она была яркой девочкой, моей, с непослушными рыжими волосами, которые, как солнышко бликовали даже в самую мрачную погоду, и я знал, что ни дождь, ни туман, ни хмурость лиц прохожих не могли скрыть ту неповторимую искорку, которая всегда горела в ее глазах. А я смог. Одним словом, одной фразой, за пять минут стер в ней все, что так безумно...

Бля-ять, а это я понял позже.

Я пытался забыть! Как только ее образ всплывал в памяти, я заваливал себя работой, окружал людьми, заставлял себя думать о чем угодно, только не о той, которая превратила мою жизнь в ад, растоптала жизнь брата, и которую я сам в ответ бросил в бездну.

Я стирал все мысли о ней из своей головы, словно навязчивые призраки, которые неустанно шептали о том, какой открытой она для меня была, и какой недоступной теперь стала.

Пока я был с ней, я ненавидел ее за то, что заставляла мое сердце биться быстрее, за то, что прорастал в ней, все больше влюблялся, сам того не понимая. Каждый раз, когда я смотрел в ее глаза, чувствовал себя последней тварью. Ненависть, как ни странно, превратилась в зависимость, а потом я все резко оборвал, просто потому, что боялся окончательно в ней раствориться.

Маша оказалась той, которая оставила после себя неизгладимый след. Она не просто была в моей жизни – после нее образовалась пустота, и я задохнулся. А когда, казалось, что я ее уже забыл, память меня предавала. Появлялись мелочи, которые снова напоминали о прошлом: ее любимая песня, аромат духов, чей-то звонкий смех или золотая копна волос. Каждое воспоминание давило на грудь, как тяжелый, застарелый камень.

Я запер свои чувства на амбарный замок, но они, как ненавистные гости, постоянно возвращались. На работе я прекрасно контролировал себя, но стоило мне вернуться в пустую съемную квартиру, как все начиналось заново. Я шлялся по клубам, ночным барам, пытался забыться в ласках других женщин, заливал тоску алкоголем, но ничего не могло затмить ту волшебную искру, ту неповторимую харизму, с которой Маша вошла в мою жизнь. Ее смех, ее взгляд – все это стало частью меня, непроходимым отпечатком на моем чертовом сердце.

Я помню тот день, когда мы первый раз встретились. Я знал, что Никита дружит с девчонкой из параллели, знал о его чувствах к ней, что они не взаимны, все знал, мы были близки. Он рассказывал, как сильно любит, как не может дождаться следующей встречи, он писал для нее стихи и тут же рвал на мелкие куски, как мучился от одиночества и тонул в собственных чувствах. Но после того как мой единственный брат понял, что не нужен ей, после того как решил заглушить свою боль вечным сном, я словно сошел с ума, пришел в ярость, хотел наказать кого-то за его необдуманное решение, хотел, чтобы кому-то было больно, так же как и мне. И я решил, что это будет Маша.

На вечеринку в институте пройти было несложно, все любят бабло, и я этим воспользовался. Она стояла вся такая невинная, одинокая, но как загорелись ее глаза, когда она увидела меня, и я понял, что месть будет не только сладкой, но и быстрой.

Вот только я наказал не только ее, но и себя. А потом, каждый раз с наступлением весны я слышал цветочный запах ее кожи, а с приходом осени ощущал боль, саднящую, местами тупую боль за двоих. Я с головой окунался в работу, достигал вершин, новых целей, но каждый раз, с приходом дождливых дней возвращался в прошлое.

Я мучился и одновременно наслаждался этим страданием. Теперь я хотел наказать себя, за дурость, за слепоту, за идиотское решение вершить справедливость. Да, кто я такой? Но вернуться и найти ее так и не посмел. С одной стороны, я знаю, что она никогда не простит мне мое предательство, а с другой, я не мог признаться брату, что до боли в груди люблю девушку, которая разрушила ему жизнь.

Тогда я стал ждать, когда все внутри перестанет ныть, верил, что это лишь вопрос времени. Спустя шесть лет я вернулся в родной город, жизнь продолжается. Она, возможно, уже встретила другого, а я не смог, просто никем не смог ее заменить, но так мне и надо.

А вчера, когда увидел рыжую в коридоре своей фирмы, мое сознание словно взорвалось. Я ничего не понимал, в момент запутался во времени. Я ушел, скорее сбежал, чтобы сделать вдох, который забыл сделать, столкнувшись лицом к лицу со своим прошлым.

Ночью завалился домой изрядно пьяным и, наконец, решил, что в коридоре видел мираж, банально обознался. Утром в офисе узнал, что некая Петрова Мария Ивановна была записана на встречу со мной, и понял, что пришло время расплачиваться за свои ошибки, ловить обратный бумеранг и подставлять зад карме. Это было неизбежно, поэтому я подготовился, и сам пошел на встречу к своей беде.

И вот я снова слышу этот голос, вижу эти рыжие локоны, эти серо-зеленые глаза, нежный голос, маленький нос, усыпанный пылью веснушек и этот вздернутый вверх подбородок, упрямый и, как прежде, забавный. Она изменилась, стала красивее, увереннее в себе, вот только больше не горела та яркая искра в ее глазах, которая когда-то сумела меня приручить.

Она смотрит холодно, равнодушно, недовольно, и я понимаю, что наше сотрудничество будет чертовски трудным и затянется надолго. Просто потому, что без нее я уже не хочу.

Глава 8

Маша

Не ожидала такого подвоха, даже представить себе не могла, зачем вызывает к себе директор школы, но беру себя в руки, натягиваю дежурную улыбку профессионала своего дела и подхожу ближе.

Протягиваю руку Игнату и смотрю прямо, свободно, легко, так, как смотрят на незнакомого человека, как на партнера фирмы в сотрудничестве с которым заинтересована, так, как на совершенно не имеющего значения мужчину. Просто учтиво, как требует корпоративная этика.

– Приятно познакомиться, Игнат Эдуардович. Нам не удалось встретиться в вашей фирме, вы были крайне заняты, поэтому благодарю, что пришли сами.

Игнат на мгновение столбенеет от моего настроя, но это могла заметить только я, та, которая знает наше общее прошлое, а затем берет мою руку в свою, крепко и дольше положенного сжимает, обжигая своим ненавистным теплом.

Глаза в глаза, кожа к коже. Он ждет реакции, выискивает подтверждение удивлению, шоку, презрению в моих глазах, в уголках губ, в дрожи руки, но я все замуровала, максимально отрешилась от воспоминаний и лишь слегка киваю на его рукопожатие.

Не меняя выражения лица, я практически силой забираю руку и сажусь напротив Игната. До этого момента нас разделяло семь лет жизни, пропасть размером с предательство и взаимная ненависть, сейчас только метр поверхности стола, но этого достаточно, чтобы дышать чистым воздухом и не плавить мозги от когда-то любимого запаха.

– Прекрасно, – подает голос Лев Борисович. – Тянуть никак нельзя. Мария Ивановна, Игнат Эдуардович подготовил для нас проект договора и любезно привез на согласование. Техническое задание тоже имеется. Вам необходимо изучить документы, внести правки, если такие будут и прийти к соглашению цены.

– Лев Борисович, разве не Министерство образования все это должно согласовать? Мы лишь предоставляем доступ к внутренней программе для внедрения базы уроков.

– Нет. Министерство на своем уровне определило поставщика, за нами все остальное. Я понимаю, это большая нагрузка на вас, но выбор нам никто не давал, а лучше вас, Мария Ивановна, с этим никто не справится.

– Ну да, – тихо бурчу под нос, а сама ломаю ногти на руках, чтобы не сорваться.

Капец маникюру.

Внезапно звонит внутренний телефон директора. Лев Борисович поднимает трубку, кивает невидимому собеседнику и извиняется.

– Прошу прощения, но я оставляю вас на несколько минут. Обсудите пока план действий.

Директор школы выходит, а меня накрывает паника. Я чувствую на себе взгляд Игната. Все это время, он непрестанно сверлит меня своими голубыми глазами, заставляя трястись от нервозности и плавиться изнутри. Кожа на лице щиплет, а в груди сдавливает безысходность: разговора не избежать.

Чего он добивается? Почему не сделал вид, что просто не знает меня, не узнал, или банально плевать.

Прошло много лет, в груди у него пусто. Так было тогда и сейчас тоже ничего не должно измениться.

Перевожу внимание с двери на Игната и незаметно сглатываю нервный ком.

– К сожалению, Лев Борисович не предупредил о вашем приходе, поэтому подготовленные документы по проекту остались...

– Здравствуй, Маша, – в меня врезается низкий, спокойный, давно забытый голос Игната, и я давлюсь остатками слов.

Застываю с приоткрытым ртом, пораженно смотрю на мужчину и пытаюсь уговорить себя не подорваться и сейчас же не сбежать отсюда.

Знаете такое ощущение, когда по коже бегут мурашки. Так вот я сейчас их чувствую, только не по телу, а внутри. Боковое зрение поглощает туман, и все что ты видишь это узкий туннель перед собой, в ушах шум и эти острые, неприятные иголки, которые расползаются внутри и тебе рефлекторно хочется стряхнуть их с себя.

Я думала, что готова к этой встрече, но черта с два. Я не люблю его, не ненавижу, просто не могу выносить его присутствие, его энергетику. Он давит на меня, вынуждает вспоминать то, что старалась забыть всеми силами своей израненной души.

Я ничего не чувствую и стораю от эмоций одновременно.

– Вы можете оставить весь пакет документов. В течение нескольких дней я изучу их и созвонюсь с представителем вашей фирмы.

– Делаешь вид, что не узнаешь меня? – Игнат игнорирует мои слова, а я упрямо его.

– Сбросьте на официальную почту школы контакты специалиста, с которым мне предстоит работать, и как все будет готово, я с ним свяжусь, – монотонно, как заведенная гну свою линию.

– Маша!

Я не успеваю среагировать, как Игнат резко наклоняется вперед и хватает мои холодные пальцы своей горячей рукой, привлекая мое внимание.

Привлек, и я не выдерживаю, подрываюсь с места, цепляюсь в него злым взглядом и шиплю.

– Здравствуйте еще раз, Игнат Эдуардович. Машей для вас я была в далекой прошлой жизни, сейчас я Мария Ивановна. Будьте добры держать субординацию, и если нам предстоит сотрудничать вместе, тогда давайте работать, а не трепаться. У меня широкий круг обязанностей и раз меня назначили вести этот проект, то попрошу не тратить мое время, а назначить человека с вашей стороны и, наконец, приступить к его реализации.

На лице Игната не дернулся ни один мускул, не напряглась ни одна мышца, лишь плотно сжатая челюсть говорила о том, насколько успешно мужчина сдерживает внутренние эмоции.

Он слегка наклоняет голову набок, словно ожидая продолжения пламенной речи, а затем медленно, не спеша обходит стол и подходит ко мне.

Он не сводит с меня глаз, парализует ими, специально нервирует, показывает кто сильнее, кто здесь главный. Даже не моргает, просто подходит близко, неприлично близко, осматривает собранные рыжие волосы, лицо и возвращает внимание к глазам. Стараюсь смотреть агрессивно, но, кажется, плохо получается. Я не хищник, овечка, но выше поднимаю подбородок, давая понять, что не отступлю.

– А я уже назначил! Маша! Работать будешь непосредственно со мной.

Глава 9

«Работать будешь непосредственно со мной».

Смысл слов доходит очень быстро, отчего негодование вспыхивает с новой силой. Сейчас не больно, сейчас я чувствую злость, оттого, что он такой самоуверенный, потому что пользуется своим положением, понял, что мне не отвертеться от сотрудничества с ним и использует это в своих целях. Только в каких? Зачем, черт возьми, все это?

Пылаю внутри, но держу себя в руках. Нельзя показать, что он меня реально задевает, что влияет на мои чувства, может давить на больные точки. Глаза щипят от ярости, но я стискиваю зубы и мысленно заставляю себя дышать ровнее.

Он смотрит спокойно. Вижу, тоже держит себя в руках. Только взгляд, то и дело опускается на мои губы, усилием воли возвращается к глазам и снова падает вниз. Почему-то именно в этот момент невероятно хочется облизать их, пройти языком по пересохшим губам, но я контролирую себя, буквально заставляю это делать.

Отступаю на шаг, не могу так долго переносить такой близкий контакт. От его тела несет сногшибательным ароматом и властной энергией, но это я могу пережить, подумаешь, стоит передо мной брутальный представитель мужского пола, а вот ментальное давление выдержать сложнее. Мы оба знаем, какой негатив чувствуем друг к другу, нас связывает прошлое, сначала волшебное, потом трудное, грязное, серое, и от понимания всего этого, держать взгляд становится невыносимо.

Отступаю еще на один шаг и сильнее выпрямляю спину.

– Хочешь перейти на личное? Хорошо, позволю и я себе это, – решаю расставить все точки в нашем будущем контакте. – Ты, Стрельцов Игнат, человек, который ненавидит меня, мужчина, который поиграл со мной и бросил: эгоистично, алчно, подло. Я не собираюсь вспоминать причины, прав ты или нет, лишь хочу спросить, зачем тебе это все надо сейчас? Ты терпеть меня не можешь, как собираешься работать? Насколько я в курсе, жизнь твоего брата на сегодня не изменилась, а значит, повода для примирения с твоей стороны нет. Но даже если и был бы, я не хочу с тобой иметь никаких дел. Поэтому вопрос все тот же: зачем ты сам себе усложняешь жизнь? Зачем снова заставляешь меня общаться с тобой? Опять какая-то месть, а я не в курсе? Или скучно стало?

Выдыхаю, не все сказала, но этого хватит, иначе понесет и не смогу остановиться.

– Если и месть, то только себе, – задумчиво произносит Игнат, вскидывает на меня глаза, фокусирует, и я понимаю, что он только что вернулся в реальность. – Маша, ничего из того, что ты перечислила, нет. Лишь работа, проект, временное сотрудничество.

– Назначь человека и проблем не будет. Нам не обязательно работать вместе. Это у меня выбора нет, уволют, а ты сам себе хозяин, предоставь сотрудника.

– Нет, – лицо каменное, непрошибаемое, не пойму, что думает, чувствует, маска.

– Почему? – хмурюсь, надеюсь, что причина не настолько веская, чтобы ее не разрешить.

– Видеть тебя хочу. Не могу по-другому.

Нет оскала в улыбке, нет ненависти в глазах, тепла тоже нет. Выражение лица по-прежнему застывшее, смотрит прямо в глаза, не моргает, даже грудь не колыхнется, лишь какой-то всплеск печали пробегает по зрачкам и тухнет, словно показалось.

А у меня дух выбивает, земля под ногами шатается. Зачем он это говорит? Для чего?

– Хочешь убедиться, что основательно растоптал? Что за столько лет не смогла подняться с колен и по-прежнему валяюсь на дне, где ты и оставил?

Сглатываю, сердце в истерике бьется о ребра, не понимаю, что чувствую: злость, смешанная с мучительными воспоминаниями.

– Хочу убедиться, что ты в порядке. Что у меня ничего не получилось, – шепчет, почти хрипит, но даже это делает твердо, не прогнуть.

– У тебя не получилось, Стрельцов. Ты облажался, – выплевываю прямо в лицо. – Я счастлива, замужем, у меня прекрасная семья. Я о тебе знать не знала, и помнить забыла. Все, миссия выполнена, может идти туда, откуда пришел.

Вижу, как напрягается его челюсть, а на висках вздуваются вены. Что не нравится теперь?

– Отработаем вместе, как положено по договору, закроем проект и тогда может быть...

Внезапно дверь в кабинет открывается и входит Лев Борисович. Очень даже вовремя, однако. Расслабляюсь. Держать оборону больше нет необходимости. Эту встречу я выстояла.

– Я надеюсь, вы здесь все порешали, потому что мне срочно нужно уехать в министерство, – заявляет директор, проходит к своему столу и собирает бумаги в папку-портфель.

– Да, спасибо, Лев Борисович, за грамотного специалиста. Всегда приятно работать с человеком, который тебя понимает с полуслова, – дежурно улыбается Игнат, пожимая руку моему начальнику. – Мария Ивановна изучит договор, если нужно внесет правки и в ближайшие дни заедет к нам на переговоры. Для начала определим вашу техническую базу и посмотрим на новизну внутренней локальной сети. В общем, приступим к работе.

– Вот и хорошо, – кивает мне Лев Борисович и рукой показывает на дверь. – Я рад, Мария Ивановна, что вы сработались.

Ничего не говорю, с силой прикусываю язык, хватаю файл с документами и вылетаю из кабинета.

Не оборачиваюсь, не прощаюсь, быстрее семеню ногами, чтобы скрыться за поворотом от, прожигающего спину, острого взгляда. Ненавижу, всей душой ненавижу.

Вылетаю в учительскую. Сюда Игнат точно не посмеет сунуться, а мне нужно перевести дыхание.

– Доброе утро, – сдержанно здороваюсь.

Сейчас перемена, преподаватели все на местах. Узнаю несколько новеньких, познакомились на летучке, неделю назад. Молодые, примерно моего возраста. Собираемся пересечься в пятницу, в честь начала нового учебного года. Надо домашним сказать. Совсем забыла, что тем вечером меня не будет.

Бросаю злополучный файл, клацаю кнопкой чайника и отворачиваюсь к окну. Ничего не хочу, но нужно занять руки, иначе взорвусь.

– Мань, эй, ты чего такая злющая? – подходит Марина и заглядывает в лицо, а я на эмоциях давлюсь слезами, не позволяя им нарушить границы глаз.

– Ничего, Марин, директор довел, – пытаюсь отмазаться от разговора, но подругу этим не обмануть.

– На тебе лица нет! Здесь явно дело не только во Льве Борисовиче. С Тёмой что-то? Андрей вывел?

Резко поворачиваюсь.

– Если бы, Марин! – и тише добавляю. – Игнат вернулся.

Подруга несколько секунд хлопает ресницами, а потом ошарашенно открывает рот.

– А Тёма?

– Нет для него Тёмы. Главное, чтобы они не пересеклись, – нервно тру ладошкой лоб. – Марин, они, блин, одно лицо! Он сразу все поймет.

Неожиданно дверь в учительскую с грохотом распаивается и на пороге останавливается Андрей, удерживая за руку моего сына.

– Мамочка, а мы к тебе поздороваться зашли.

Глава 10

Чуть ли не давлюсь слюной от внезапного появления мужа и сына. Е-мае, что они здесь делают и почему Тёма не в садике?

Быстро натягиваю радостное выражение лица и обнимаю сына, одновременно с этим фиксирую, что дверь в учительскую плотно закрывается.

– Привет, мой хороший, а почему ты не в садике? Что-то случилось? – осматриваю сына, волнуясь за его здоровье.

– Нет, все хорошо.

К нам подходит Андрей, а Тёму привлекает подставка для пишущих принадлежностей, в которой стоят разноцветные текстовые выделители, и он отходит к учительскому столу.

– Привет, Маш, – муж просто здоровается, зная, что на работе я не разрешаю себя целовать даже в щеку. – Я тут подумал... Как-то я давно с Артемом не проводил время, поэтому забрал его из сада и предложил сходить в детский парк на карусели. Он этому оказался очень рад.

На мгновение теряю дар речи. С каких пор у Андрея появилось стремление проводить время с ребенком? Обычно, когда прошу я, у него находятся с десяток отговорок и отмазок, чтобы не гулять с Тёмой.

Нет, он очень хорошо к нему относится, никогда не обижает, голос не повышает, изредка, когда дома что-то чинит, а Артем проявляет интерес, не отталкивает и терпеливо показывает и объясняет. Но чтобы проявить инициативу? Для меня это реальное удивление.

– Еще бы, – хмурюсь и поглядываю за сыном. – Где садик, а где аттракционы. Только почему ты не на работе и почему о своем желании не предупредил меня?

– На работе внутренние проблемы, всем дали отгул. Я и решил зря время не терять. Вот, мы и зашли предупредить тебя. Я думал, ты обрадуешься, сама же говорила, что я мало времени провожу с пацаном. Что не так?

Выдыхаю. Действительно так говорю и по идее должна радоваться. Когда Тёма был поменьше, Андрею было неинтересно с ним гулять, сиди себе на лавочке и следи за безопасностью ребенка, а сейчас, видимо, уже можно найти общий язык. Думаю, это встреча с Игнатом сильно меня взбудоражила, и я быстро не смогла перестроиться на нужное настроение.

– Да все так. Просто неожиданно это. Подумала, может, Артем приболел. Правда, тогда бы воспитатель сначала позвонила мне. Ладно, идите и повеселитесь. Встретимся вечером дома.

Поворачиваюсь к сыну.

– Тём, клади все на место, вы с Андреем уходите.

– Сейчас, – упрямится сын, – здесь такие яркие цвета! А можно мне фломастеры забрать?

– Нет, Зай, это чужие, я тебе такие же потом куплю.

– Да ладно, пусть возьмет парочку, школа не обеднеет, – улыбается моя коллега Маргарита Вячеславовна, учитель по химии. – Я этими цветами все равно не пользуюсь. Артем, только желтый мне оставь, а остальные бери.

– Ура, спасибо! – радостно подпрыгивает Артем.

– Это, Маш, – Андрей подходит ближе и наклоняется почти к волосам, – Ты только можешь денег немного дать, а то у меня аванс еще не скоро.

Ну да, как же без этого. Сегодня только второе число, зарплата была недавно, а уже денег просит.

Когда я сошлась с Андреем, то опыта ведения общего бюджета у меня не было. По наставлению свекрови Андрей предложил отдавать мне половину своей зарплаты, а остальное он будет тратить на свои личные предпочтения.

Я считаю, что у мужчины обязательно должны быть свои деньги, ведь всегда приятно, что за тебя заплатят в кафе или магазине. Но действительность оказалась другой.

Зарабатывал Андрей меньше меня, да и работа у него не всегда была стабильная и постоянная. Половину дохода он, конечно, мне отдавал, но вот половина ли это была, я не знаю. Как-то сумма казалась небольшой и на многое не хватало. Поэтому, если мы где-то гуляли или вместе ходили по магазинам, платила всегда я. Видимо, это привычная модель поведения для мужа, которую он перенял от своих родителей.

– Идемте ко мне в кабинет, сумка там.

Выхожу первая и бегло оглядываю коридоры. Ни Игната, ни Льва Борисовича не видно. Хоть бы они все уже ушли. Встретаться сегодня с Игнатом больше нет сил, а выяснять отношения – тем более.

Стараясь выгладить естественно и не напряженно, доходим до библиотеки. Достая из сумки кошелек, прикидываю сколько нужно на аттракционы, а потом и на мороженое, отсчитываю полторы тысячи и отдаю Андрею. Он смущенно улыбается, но, тем не менее, как ни в чем не бывало, прячет деньги в карман.

– Ну что Артем, погнали выгуливаться? – Андрей протягивает руку моему сыну, я подхожу, целую в щеки обоих и провожаю на улицу.

– Будьте осторожны, пожалуйста.

– Андрей, а ты мне разрешишь на автодроме тараниться? – с восторгом спрашивает Тема, уже полностью погруженный в предвкушение веселья.

– Э, нет, друг. Не дай бог, разобьем, потом еще плати за них.

– Ну, Андрей, там же резиновая защита!

Провожая взглядом любимых мужчин, которые на меня уже не обращают внимания.

Любимых... Сына я люблю до безумия. Он не только мой ребенок от когда-то действительно любимого человека, но и еще своим рождением этот мальчишка невероятно сильно помог мне удержаться на плаву.

Андрей неплохой мужчина. Не идеальный, не самый лучший, со своими привычками, назойливой мамой, которая любит совать нос в нашу семью и науськивать сына. Но он рядом, он не бросит, может, и не ринется решать мои проблемы, но уверена, в случае необходимости всегда закроет своей грудью и защитит.

Артем тоже его любит. По-своему. Артему было почти четыре, когда в нашей семье появился Андрей. Сын спокойно принял его, но с первых дней начал называть по имени. Я не наставила ни на чем другом. Это, прежде всего, выбор ребенка, значит, именно так ему комфортно. Лишь раз Андрей спросил меня, почему Артем не называет его папой.

– Мне ты муж, я выбрала тебя, а для Артема ты дядя, который однажды появился и стал жить с нами. Если хочешь, чтобы сын называл тебя папой, значит, стань для него отцом. И все изменится.

Но муж особо для этого так ничего и не сделал. Тёму вполне устраивал друг Андрей, а меня, что всем комфортно в своих ролях.

Возвращаюсь к себе и по дороге встречаю нашу уборщицу. Милая женщина, которая помогла устроить Андрея работать на склад. Ее сын там начальник и искал ответственного сотрудника.

– Здравствуйте, Татьяна Анатольевна, – собираюсь идти мимо, но меня тормозят.

– Здравствуй, Машенька. Ну как вы?

– Все хорошо, Татьяна Анатольевна. Вот сын с мужем в парк пошли, заходили в гости.

– Это хорошо, – женщина разминает спину. – Молодец Андрей, что не засел дома за пивом и телевизором. Раз время свободное появилось, нужно семье его посвятить.

– Согласна. Сказал, что отгул сегодня всем дали, какие-то проблемы на фирме. Надеюсь, у вашего Димы все быстро наладится.

– Проблемы? – удивляется Татьяна Анатольевна. – Ничего не говорил, все в порядке вроде на складе. А я, наоборот, за твоего мужа переживала, Диму журила, что уволил Андрея. Говорю, у них семья молодая, ребеночек маленький, но мой заладил, что своя зарплата ближе к телу, чем трудности чужой семьи.

– Постойте, – бледнею я, – что вы имеете в виду? Как уволил?

– Ну да. За то, что пиво распивал в рабочее время, а потом недостачи случались. Уже как два дня. В зарплату рассчитал его. Ты не знала? Ой, кажется, я лишнее ляпнула, да?

Глава 11

Меня трясет от возмущения, но вида не подаю, а вежливо улыбаюсь женщине, успокаиваю, что все хорошо и быстро ухожу к себе.

Запираю дверь библиотеки и радуюсь, что сейчас идут уроки и сюда не придут ученики. С кем-то разговаривать и выглядеть радушной нет ни желания, ни сил.

Обида душит, сменяясь то злостью, то раздражением. Ну как так? Мало того что Андрей промолчал, что уже равноценно обману, так еще и его пристрастие к пиву, снова лишила его работы.

Безумно стыдно перед Татьяной Анатольевной. Я же поручилась за мужа, представила его ответственным, порядочным человеком. А он?

Не буду больше искать ему работу, пусть сам решает свои проблемы, раз не ценит того, что я для него делаю. Мужик должен заботиться о семье, оберегать ее, делать комфортной жизнь, а не усложнять все.

Сажусь за стол и тру виски. Как же все достало. Я из кожи вон лезу, работаю сверх нормы, беру внеурочки, чтобы больше зарабатывать, а он делает вид, что ходит на работу?

Ради благополучия семьи, скрипя зубами, соглашаюсь на сотрудничество с демоном из моего прошлого, все для семьи, чтобы максимально сохранить за собой место, не потерять работу, а муж... А муж привык, что все проблемы решаю я. Зачем ему напрягаться, если Маша все сделает, придумает, а он будет валяться, как кот в масле.

Очень удобно.

Андрей же не был таким в начале отношений, был участливым, к Теме проявлял интерес, активно с ним общался. Я радовалась, что у сына отец появится, которого ему так не хватает, а у меня поддержка и опора.

Но нет, и виновата в этом я сама. Позволила мужу сесть на шею, считая, что это мой сын, и Андрей не обязан жертвовать своими интересами, переживала, что навязываю ребенка. Да и замуж вышла, наверно, чтобы заполнить внутреннюю пустоту, замаскировать одиночество, думая, что стерпится – слюбится.

Я же никогда не любила Андрея! Вот только себе отчет я в этом отдаю только сейчас. Видела, как трудно маме одной без мужчины, слушала ее наставления и сделала неправильный выбор.

Одним человеком нельзя заменить другого, и чувства насильно не ощутить. А теперь... Теперь трудно решиться менять привычный уклад жизни, но менять однозначно что-то нужно.

Вечером поговорю с Андреем. Пусть, наконец, проявит свои мужские качества, иначе мое терпение лопнет. Оно уже сейчас на грани.

На взводе заканчиваю рабочий день, сохраняю загруженные файлы электронных версий книг, отправляю в отдел информационных технологий заявку на выявленные ошибки и выхожу с работы.

Домой не несут ноги, и я стала все чаще это замечать. Но меня ждет сын и мама, я нужна им, поэтому спешу на остановку.

В пятницу у нас с девочками, учителями из школы запланирована встреча в кафе, которую я очень жду. Нужно развеется, выбросить все из головы и посвятить вечер себе. Некоторых преподавателей я знаю давно, не первый год работаем вместе и даже дружим, некоторые будут новенькие, познакомились на летучке. Осталось сказать об этом домашним.

Захожу в квартиру, передаю маме пакет с продуктами и раздеваюсь в прихожей.

– Ты как себя чувствуешь сегодня?

– Хорошо, Машунь. Отдыхала так, что уже бока болят лежать. Давай переодевайся, мой руки, я мясной пирог приготовила.

– Мам, ну зачем, в холодильнике есть ужин, а я бы потом сама приготовила.

– Дочь, ну я же не могу целыми днями смотреть телевизор. Скучно мне. Андрей вон Тёму сегодня забрал, так что забот у меня и не было.

Заглядываю в комнату к сыну, он что-то увлеченно мастерит из Лего. Подхожу, обнимаю, целую в макушку.

– Привет, дорогой! Чего маму не встречаешь?

– Ой, не услышал. Я тут такое придумал! Помнишь, я делал космическую станцию? – киваю. – Так вот, я мастерю к ней вездеход, у него будут не только колеса, но и гусеницы, а еще воздушные подушки! Кнопку нажимаешь, а она типа может невысоко, но над землей лететь. Ну, знаешь, на луне есть же эти... Кратеры всякие. Вот пригодится.

Сын так оживленно рассказывает о своем увлечении, что внутри растекается тепло. Пусть хоть кто-то в нашей семье испытывает восторг от происходящего вокруг.

– Тём, а откуда ты все это знаешь? Полдня в телефоне, что ли, просидел, опять видео о космосе смотрел?

– Не, в той книге все увидел, там, оказывается, столько интересного!

На столе лежит энциклопедия космоса, космических станций и аппаратов. Мы летом гуляли с сыном в парке и зашли в книжный магазин, мне нужно было изучить процент наличия в продаже книг классиков. Артем увидел эту красочную энциклопедию, а я не смогла отказать ему. Я всегда за развитие ребенка, да и сама, если честно, залипла на изображениях планет, особенно в разрезе.

– Ясно, когда ты только все успел? Вы же с Андреем на аттракционах были. Понравилось, кстати?

– Ну... – замялся сын. – Давай в следующий раз я с тобой пойду в парк?

– Почему? Я думала вам, как двум мужчинам, было интересно вдвоем, – напрягаюсь я, стараясь мягко вывести у сына причины недовольства.

– Андрей разрешил только на машинках покататься, но со мной не пошел, сказал, что я мужчина и сам справлюсь, а я до педалей еще не достаю, поэтому сидел неудобно, ну и всякое такое. Тараниться тоже нельзя было, хотя там остальные врезались друг в друга.

– Да, обидненько, – хмурюсь, но не подаю вида. – На остальных каруселях тебе хоть было весело?

– На каких? Мы больше никуда не пошли. Паровозик еще был, но это мам, совсем для детей, а я взрослый. Поэтому Андрей сидел на лавочке, а я немного поиграл с пацанами на детской площадке. Там турники были, и мы соревновались, кто дольше провесит на двух руках, а потом и на одной. Представляешь, на двух руках я выиграл, а на одной занял второе место.

– О, как здорово! Да ты силач у меня. Умница. Ладно, пойду бабушке помогу на стол накрыть, через десять минут будем кушать.

Сын кивает и снова погружается в свое конструирование, а я, пылающая от возмущения, иду на кухню.

Устраивать разборки с Андреем перед сыном и мамой не хочу, поэтому после ужина поговорю с ним в нашей спальне.

Когда ужин подходит к концу, звонит телефон – Марина. Извиняюсь, отхожу в сторону и отвечаю.

– Да!

«Машка, прости, если отвлекаю, но не могу удержаться и не позвонить подруге!» – на возвышенных тонах врывается в мой пока еще спокойный вечер подруга.

– Что случилось? – улыбаюсь и подмечаю, как бросает на меня косой взгляд Андрей.

«Представляешь, Григорий пригласил меня сегодня в ресторан, сказал, что-то о том, что моя жизнь изменится. И знаешь, что он сделал?»

– Понятия не имею. И что?

«Он сделала мне предложение! Я в шоке. Мы вообще об этом не думали. Он, конечно, давно предлагал съехаться, но я все не решалась»

– Ну вот, настоящий мужчина! – говорю громко, чтобы и мой муж это слышал. – Нет проблем, есть задачи. Не захотела по-хорошему, добровольно, значит, будет по-другому, – смеюсь. – Молодец, обстоятельно подошел к тебе. Так и что ты ответила?

«Что-что, конечно «Да»! Он отличный мужик, правильный, ответственный, с сыном хочет наладить отношения, с ним не страшно, он каменная стена. Надеюсь, что и Андрюша примет его»

– Марин, а про чувства забыла? – снова кошусь на мужа, наблюдая за его реакцией.

«В смысле?» – притихает подруга.

– Ну, ты отлично Григория охарактеризовала, а про любовь ничего не сказала. Любовь то есть?

«Конечно! Гриша очень любит меня и балует»

– А ты любишь? Знаешь, замужем без любви наверно не очень здорово быть.

Минутная тишина, но зная Марину, ей действительно нужно все взвесить. У нее несладкое прошлое, сына растит сама, а тут еще бывший к нам в школу устроился физруком, вообще не понимаю, зачем и как теперь работать.

«Я пока не готова про это говорить. Короче, Маш, в пятницу на «Крыше» будем отмечать не только новый учебный год, но и мою помолвку. Напоминаю, столик заказан на 17.00, но имей в виду – этот вечер, а может и ночь мои. Отказы не принимаются»

– Ты что? Я обязательно приду! Такое событие пропустить никак не могу. Тем более сама дико хочу развеселиться, да и девичником мы давно не собирались.

Кладу трубку и тут же слышу холодный и недовольный тон своего мужа.

– Куда это ты собралась?

Глава 12

– Тёмочка, ты покушал? – спрашивает моя мама у внука. – Умничка мой, пойдем в комнату, покажешь мне свои поделки из конструктора.

– О, бабуль, у меня их очень много, а некоторые даже двигаются. На ро-бо-то-технике делали, – старается по слогам произнести сложное для него слово Тёма и подскакивает с места. – Спасибо за ужин.

Киваю, но не свожу пристального взгляда с Андрея, который весь побагровел и тоже сверлит меня глазами.

Жду, когда дверь в детскую плотно закроется, мысленно благодарю маму за проницательность. Не хочу, чтобы Артем слышал нашу ругань.

– Андрей, ты тон выбирал бы, – начинаю я, но муж меня перебивает.

– Маша, я спросил, куда это ты собралась? – повторяет Андрей, но градус голоса все же снижает.

– В пятницу после работы я с девочками иду в бар. Отмечаем новый учебный год и, как сейчас выяснилось, помолвку Марины. Есть возражения? – не двигаюсь с места, а руки складываю на груди в защитном жесте.

– И давно вы все решили? Почему об этом не знаю я? – басит Андрей.

– После летучки, в конце августа. Я забыла вам всем сказать, сегодня как раз собиралась. Но твои претензии непонятны. Ты сам, когда собирался мне сказать, что...

– То есть получается, я тут с Артемом время провожу, матери помогаю, стараюсь как-то участвовать в жизни семьи, как ты и хотела, а ты тупо сваливаешь бухать? – еще сильнее багровеет Андрей, только не пойму, это от злости или от выпитой уже бутылки пива?

– Во-первых, – опускаю я руки и делаю шаг вперед, невольно становясь в позу наступления, – бухаешь ты, а я всего лишь хочу развеяться. И да, я выпью, но лишь для того, чтобы все выкинуть из головы и расслабиться.

– А ты, что устала сильно? – вскидывает брови муж, а я непроизвольно вторю ему.

– А ты считаешь, что сильно облегчаешь мне жизнь? Я когда последний раз вообще проводила время вне семьи и работы? Весной? На Восьмое марта? Потому что на окончание школы ты потребовал от нас всех, кроме бабушки, ехать к твоей маме. На даче срочным образом нужно было помочь на огороде.

– Вы потом с этого огорода едите овощи и картошку, – бурчит муж.

– А чем я занималась все лето? Скажешь? Тем же: огородом, работой, семьей, снова огородом. Знаешь, мне проще купить мешок картошки и лука, чем делать то, что я вообще не затевала. Но я понимаю, родителям надо помогать.

– Я твоей маме тоже помогаю. Делаю все, что она попросит, но я же не говорю, что устал.

– Андрей, ты не обнаглел? Тебя допросится, быстрее самой сделать, поэтому мама тебя практически ни о чем не просит, – чувствую, что начинаю повышать голос, но сдерживаться, силы воли больше нет, поэтому подхожу и закрываю кухонную дверь. – Ты приходишь после работы, заваливаешь на диван, обязательно с банкой пива и ждешь, когда я приду с работы и начну тебя обслуживать. Знаешь, какое у меня чувство? Что я прихожу с одной работы, на другую. Я последнее время вообще не понимаю, зачем мы друг другу нужны?

От моей прямолинейности грудь мужа покрывается красными пятнами, желваки вздуваются, и он пыхтит, как паровоз.

– Так заговорила, значит? То есть, когда ты серая, как мышь ходила, потому что твой козел бывший бросил тебя, я нужен был! И помогал тебе в той допотопной библиотеке, чинил все, обхаживал тебя. А сейчас уверенной стала? Когда принял тебя в свою семью с чужим

ребенком, с мамой твоей согласился жить, то все нормально, Андрей хороший был. А сейчас и Артем подрос, забот меньше, и в хате все стоит и работает, то не нужен, значит?

– Андрей, ты борзоту то свою приглуши. Это не ты принял нас, это мы приняли тебя в свою семью. Это ты пришел к нам в дом, без нормальной работы и дохода. Мама тебе моя помешала? А чего ты тогда отдельную квартиру нам не снял? Это жилье, вообще-то, моей мамы, и это она согласилась, чтобы мы здесь жили. Ты вообще совесть потерял за пивом и ящиком? Ты и ходить за мной начал не от любви великой, а потому что хотелось тепла и семейного уюта. Давай не будем врать друг другу. Мы оба съехались, потому что своих демонов пытались заглушить. Благодетель нашелся. Сейчас Артему отец как раз больше нужен, чем два года назад, но он кроме твоей макушки на диване ничего не видит. Ты сегодня в парк его водил, я дура решила, что отношения с ним наладить хочешь, а ты пыль в мои глаза просто пускал.

– В смысле пыль? Мы были в парке, катались на машинках! Спроси сына своего.

– А я и спросила! Вы не катались, катался только он, а тебе было лень помочь ребенку. Ты же знаешь, что он еще маленький, не достает до педали газа. В чем сложность была поехать с ним? Ты бы нажимал, а он рулем крутил.

– Потому что мне неинтересны все эти качели. Я вывел погулять пацана, вот пусть и развлекается. Он, между прочим, нашел себе там друзей.

– Где? На бесплатной детской площадке? Пока ты очередную бутылку пива пил?

– Не очередную, а всего вторую. За весь день, между прочим.

– Ого! Да это событие надо отпраздновать, – язвлю я, нервно смеясь. – Вывел ты ребенка. Лучше бы тогда вообще не дразнил его обещаниями. Я тебе денег дала, где они? Три минуты на автодроме и паровозик не стоят полторы тысячи. Хоть бы сладкую вату ему купил или мороженое. Тёма сказал, что больше не хочет с тобой никуда ходить. Молодец, помог, наладил контакт с ребенком.

– А, может, не умею быть отцом. Ими учатся быть с рождения ребенка, а мне Артем четырехлетней достался. Я не раз говорил тебе, давай общего родим, у меня, может, внутри все бы поменялось, и к Артему интерес проснулся.

– Ага, проснулся бы только тогда, когда Артем пить на пару с тобой начал. И, кстати, о втором... Ты когда собирался нам сказать, что тебя уволили с очередной работы? М? Общий ребенок ему! Ты как содержать-то всех нас при этом планируешь? Или ты думаешь, я рожу и на работу сразу пойду? Рожают тогда, когда уверены в своем мужчине и в завтрашнем дне. А я уверена лишь в том, что, придя домой, я тебя точно найду у телевизора.

– То есть ты во мне не уверена?

– А как? Ты поешь мне уже три дня, что на работу ходишь. Интересно, где ты целыми днями бываешь, делая вид, что работаешь? У соседки тусишь? – зло шучу я, но Андрей как-то странно дергается. – Не поняла?

– Что ты не поняла? Работу новую хожу ищу, по собеседованиям шляюсь. Соседка ей сдалась. Не сказал про увольнение, потому что расстраивать не хотел, вот эту истерику слушать тоже. Думал, найду еще лучше, чем была, и тогда все скажу.

– Нашел?

– Нет, еще.

– И что? Как жить будем? На мою зарплату? На мамину пенсию? Ну, давай, ты же мужчина, глава семьи, говоришь, что нужный человек, мы должны быть в тебе уверены. Сделай хоть что-то!

– И сделаю, – шипит муж и нервно выходит из-за стола. – А вот ты на сабантуй не пойдешь. Имей хоть каплю уважения ко мне. Ты в семье живешь, а значит, ничего сама решать не можешь. Поняла? Иначе потом пеняй на себя.

Андрей распахивает дверь кухни, вылетает в коридор, обувается, хватая спортивную кофту и с психами выбегает из квартиры.

От такого поведения Андрея просто челюсть отвисает до груди. Стою на пороге, провожаю спину мужа обалделым взглядом, но когда замечаю, что дверь квартиры напротив приоткрывается и в узкую щель кто-то смотрит, внутри расплзается противное, липкое недоумение.

А кто там вообще живет?

Глава 13

Андрей не вернулся даже тогда, когда я легла спать. Остаток вечера я провела с сыном, немного поболтала с мамой, но тему мужа и его поведения мы не поднимали. Она видела, что мне тяжело, но не потому, что я расстроена его поведением, а потому что я на грани сложного решения, которое сначала должна принять сама для себя.

Я долго не могла уснуть. Разговор с Андреем пошатнул мое и без того слабое душевное равновесие, но самое худшее, что я для себя отметила: мне совершенно все равно на ссору с мужем.

Я чувствую равнодушие. Именно по отношению к этому мужчине я не испытываю эмоций. Когда это началось? Не то чтобы это было открытием, но раньше я просто не задумывалась об этом, а тем более «почему». А, оказывается, все банально: я не боюсь его потерять. Просто привыкла жить с ним, знать, что у меня есть муж, штамп в паспорте, а значит, я как все, нормальная, с семьей.

Вот только сейчас буря в душе от другого. Нормально – это, когда живешь с человеком, которым дорожишь, к которому хочется возвращаться, который одним своим видом вызывает улыбку и пожар в груди. Пусть не пожар, пусть спокойную нежность, но ты веришь такому мужчине, доверяешь самое ценное и знаешь, что за твоей спиной есть стена.

Всего этого к Андрею я не чувствую. Мы просто сожители, соседи по комнатам, к сожалению, даже не друзья. И именно это не давало мне уснуть. Я знала, что мне нужно делать, но решительности еще не хватает.

Когда я уже проваливалась в сон, перед глазами, как на контрасте с Андреем возникает образ Игната: строгий, холодный профиль, прямой взгляд, уверенная стойка, и эти красноречивые глаза, которые будоражат все внутри, потому что даже без слов доносят мысли и намерения мужчины.

По затылку бегут мурашки, волоски на руках встают дыбом, а внутри расплзается лава.

В моей жизни два мужчины, и от обоих я хочу скрыться.

В какой-то момент засыпаю, лишь сквозь сон слышу, как тихо открывается входная дверь. Андрей дома. Нагулялся.

Утро проходит в привычном режиме, разница лишь в том, что я чертовски не выспалась и выгляжу непрезентабельно, а у меня сегодня первая рабочая встреча с Игнатом и нужно умудриться нарисовать на лице уверенность и равнодушие.

Как могу, исправляю результат бессонной ночи: наношу дневной макияж, оттеняю верхнее веко персиковыми тенями, румянами скрываю бледную кожу, а для губ выбираю матовую помаду с оттенком терракота. Волосы собираю в ухоженный пучок, оставляя спереди несколько огненных прядок, надеваю обтягивающие черные джинсы, белую блузку, пиджак темно-зеленого цвета и высокую шпильку. Осматриваю себя в зеркале: образ мягкий, но самоуверенный. Главное, чтобы уверенность плескалась в глазах, тогда мне все будет нипочем.

Андрей не стал разыгрывать спектакль с работой и просто остался дома. В общем-то, он и к завтраку не встал. По привычке отвожу Артема в сад и еду на работу. Вчера я все-таки пересилила себя и просмотрела оставленные Игнатом документы. Они были безупречны, кроме некоторых пунктов. Тем лучше, говорить будет не о чем.

Складываю все в папку и еду в «ПРОактив». Это всего лишь рабочая встреча, ни к чему не обязывающая, нужно просто представить, что с этим мужчиной я познакомилась только вчера, поэтому ничего личного, только обсуждение договора, правок и схемы работы.

Уверена, мне с Игнатом и пересекаться больше не нужно. Его отдел информационных технологий протянет сесть, они же зальют базу экскурсий, все протестят, а я буду контролировать процесс изнутри школы.

Настроив себя на нужное настроение, выше подняв подбородок и расправив плечи, я вхожу в офисный центр «ПРОактив».

– Здравствуйте, я к Игнату Эдуардовичу, – сообщаю девушке в приемной, которая в этот момент наливает кофе из кофемашины.

– Минутку, представьтесь, пожалуйста.

Насколько я помню, секретаря Игната зовут Оксана. Милая, стройная блондинка, одетая с иголочки по офисному дресс-коду. Приятная улыбка, нежный голос, но, как по мне, одна расстегнутая на блузке пуговица все-таки лишняя. Уверенный четвертый размер активно дает о себе знать, а явно узкая на бедрах юбка наверняка стесняет движения девушки.

– Мария Ивановна Петрова, частная школа «Исток».

– Извините, но вы не записаны. У Игната Эдуардовича плотное расписание.

Делаю глубокий вдох и медленный выдох. Черт, я действительно забыла записаться, но проделать тот же квест с внутренними настройками я больше не смогу.

– Извините, Оксана, вы бы не могли сказать своему руководителю о моем приходе. Пусть он сам решает, когда меня принять, – холодно говорю я и смотрю прямо в глаза девушки, обрушивая на нее хоть и мнимый, но решительный настрой.

Никогда не была стервой и сейчас совсем не нравиться, отчего бросает в жар. Снимаю пиджак, вешают на руку и в ожидании, без тени доброжелательности продолжаю сверлить девушку.

– Мария Ивановна, у нас так не принято, и шеф будет недоволен. Я могу записать вас на завтра на одиннадцать утра. Вам подходит это время? – девушка берет кофе, подходит к своему столу и для достоверности проверяет расписание.

– Нет, не подходит! Ваш шеф вообще в офисе?

– Да, он у себя, но сейчас идет селекторное совещание, поэтому я не могу с ним связаться.

– Ясно. Спасибо, Оксана. Вы очень исполнительная.

Кажется, я переборщила с настройками, потому что вообще не вижу препятствий зайти в кабинет, положить документы на стол и так же молча уйти.

Я выдыхаю, разворачиваюсь на носках и пока не пасанула, в два шага подхожу к двери и резко тяну на себя.

Жгучая боль обрушивается на запястье, ощущение, что по руке со всей силы ударили хлыстом. Огонь расплзается по коже, и я, не выдержав, громко и мучительно сторону.

Из кабинета доносится торопливый бас Игната.

– Простите, коллеги, я перезвоню, у меня ЧП.

Рядом на высоких тонах причитает и охает Оксана.

– Господи, простите, ради бога, Мария Ивановна! Вы так резко открыли дверь, я не успела среагировать.

А я приваливаюсь к бетонной стене и закрываю глаза. Под веками собираются капельки слез, но я стараюсь дышать быстро и глубоко, чтобы не разрыдаться прямо на глазах у Игната.

Запястье горит огнем, в голове туман, мне нужно что-то холодное, но я не могу сдвинуться с места. Все-таки никакая я не стерва, даже дерзко зайти в кабинет не смогла.

– Оксана, что здесь происходит? – слышу совсем близко недовольный, низкий голос. – Маша?

– Простите, Игнат Эдуардович, Мария Ивановна! Я сказала, что к вам нельзя у вас совещание, а Мария Ивановна резко открыла дверь, а я вам кофе несла, как вы и просили. Но вы же крутой кипяток пьете, и он на руку Марии Ивановне...

– Хватит, понял! – рявкает Игнат. – Воды холодной быстро и льда ведро!

Игнат подхватывает меня на руки, бережно прижимает к себе и заносит в кабинет, а я все же не сдерживаюсь, и одна предательская слезинка скатывается по щеке.

– Сейчас станет легче, потерпи, моя хорошая, – мужской шепот, как шелест осенних листьев пробирается под кожу и, кажется, пылает теперь не только запястье, но и душа.

Глава 14

«Потерпи, моя хорошая».

Это фраза сносит остатки выдержки девятибалльной волной и откидывает на семь лет назад.

*

В тот день я обещала Игнату приготовить ужин. Мы купили необходимые продукты и поднялись в его съемную квартиру.

Я любила проводить здесь вечера. Квартира холостяцкая, но оставаясь с любимым наедине, огражденные от внешнего мира, я чувствовала, что Игнат принадлежит только мне, а я его девочка.

Мягкий свет ламп создавал нежные тени, а легкая музыка, играющая на фоне, наполняла пространство притяжением.

Вечерняя тишина располагала к откровениям. Я обожала наблюдать, как он реагирует на мою беззаботную болтовню, смеется или задумчиво следит за мной, когда я, расхаживая, мечтала о нашем совместном будущем после окончания учебы, где будем жить через несколько лет, чем заниматься, делилась своими надеждами и страхами. Я чувствовала, что с ним могу быть собой, что я не должна притворяться или скрывать свои эмоции.

Я была счастлива, а в глазах Игната плескался интерес и желание заботиться. В тот миг я поняла, что наслаждаюсь каждым мгновением, каждой секундой нашего уединения и близостью, которая была для меня дороже всего на свете.

Я летала в облаках, поэтому банально была невнимательная. Я потянула на себя дверь в ванную комнату, не отводя глаз с подтянутой фигуры Игната, который стоял в джинсах и без футболки, сделала шаг вовнутрь, но не успела убрать вторую ногу, о которую ударились двери и резко по инерции отлетела обратно, с размаха прямо мне в висок.

Это потом я смеялась своей неосторожности, а в ту минуту у меня буквально полетели искры из глаз, в ушах зазвенело, и мир пошатнулся.

Игнат подлетел мгновенно, подхватил и усадил на диван. Шишка на лбу выросла за секунды, пульсировала и темнела. Мне было больно, шок еще не прошел, но я хорошо запомнила взгляд Игната: взволнованный, но сосредоточенный и невероятно нежный.

Он еще долго прикладывал холод к гематоме, бесконечно целовал ушибленное место и постоянно повторял: «Потерпи, моя хорошая, сейчас все пройдет».

Прошло. Действительно прошло, но не только шишка на лбу, а и его любовь, желание заботиться и быть рядом.

*

Игнат опускает меня на диван и осторожно осматривает руку.

– Твою ж...

Я откидываю голову на мягкую спинку и пытаюсь унять рвущиеся слезы. Рука сильно жжет, боль окончательно сбивает мою надуманную спесь, и я готова позволить этому мужчине, делать со мной все что угодно, лишь бы вернуть мозгу способность думать, а не только фонтанировать адское мучение.

– Оксана, твою мать, где ты? – нервно басит Игнат, но я слышу, и наверно только я, как на последнем звуке тревожно дергается его голос.

Приоткрываю глаза, вижу, как в кабинет быстро семенит секретарь с маленьким ведерком льда и бутылкой с водой.

Игнат забирает ведро, выливает туда воду и приказывает:

– Еще бутылку, вода слишком холодная. Только быстро! И аптечку!

Игнат сидит передо мной на корточках и не сводит сочувственного взгляда.

– Еще секунду, Маш. Сейчас станет легче.

Возвращается Оксана. Игнат доливает в ведро воды и осторожно, очень бережно опускает в нее мою кисть вместе с поврежденным запястьем.

Боль моментально откатывает, и я несдержанно издаю стон облегчения. Боже, это блаженство. Огонь в голове тухнет, и я не только свободно дышу, но и возвращаю способность мыслить.

– Мария Ивановна, простите меня, пожалуйста. Я дико извиняюсь. Я не хотела, – причитает Оксана и складывает в молитвенном жесте ладони на груди.

– Все нормально, – хриплю я и откашливаюсь.

– Ненормально! – рычит Игнат и, придерживая ведро, присаживается рядом на диван. – Иди, я позже с тобой поговорю. И на будущее, Оксана, Марии Ивановне ко мне можно всегда, даже без записи.

Девушка испуганно кивает и выходит из кабинета.

– Маша, ты как?

– Игнат Эдуардович, – здравомыслие лидирует, и я возвращаю себе самообладание, – не ругайте, пожалуйста, сильно своего секретаря. Это несчастный случай, и я тоже виновата в своей неосмотрительности.

– То, что ты ходячая беда, я помню и, видимо, мало что изменилось, но и Оксана в первую очередь должна быть бдительна к посетителям, для этого она там и сидит.

– Вы! – поправляю, понимая, что Игнат моего намека в виде официального обращения не понял.

– Что? – чуть склоняет голову набок.

– Я говорю, что на «ты» мы не переходили. Для вас, Игнат Эдуардович, я Мария Ивановна, и я совершенно не понимаю, что вы можете помнить. Если вы о нашем общении семь лет назад, то это было слишком давно, чтобы о чем-то могла вспомнить я.

Игнат сверлит взглядом, практически не дышит, пытается прочесть меня, узнать, что чувствую на самом деле, но я изо всех сил держу и маску на лице, и его убийственную энергетику.

Мужчина чуть кивает головой, давая понять, что на сегодня принимает мою позицию, раскрывает сумочку с аптечкой, осторожно достает мою руку и кладет на свое колено.

– Нам придется поговорить, Мария Ивановна, – предупреждает Игнат и промачивает салфеткой кожу вокруг раны.

– Мне нечего сказать вам, – медленно делаю вдох.

– Мне есть, что, – берет мазь от ожогов и нежно, стараясь не причинить боль, наносит на уже вздутую кожу.

– Мне неинтересно, – отвечаю спокойно, с долей равнодушия.

Игнат поднимает на меня глаза.

– Понимаю. Но все равно тебе придется меня выслушать.

Пытаюсь забрать руку, но крепкие пальцы категорически не позволяют это сделать.

– Сиди спокойно, – осаживает меня Игнат, вскрывает стерильную марлевую салфетку, наносит не спиртовой антисептик и аккуратно кладет сверху на ожог.

Затем, не торопясь, словно желая растянуть момент близости между нами, медленно наматывает бинт.

Я чувствую его горячие пальцы на своей коже, они обжигают сильнее кипятка, и на контрасте с моей прохладной, по руке бегут предательские мурашки. Игнат на мгновение застывает, видит мою реакцию, но не провоцирует, а молча, задумчиво приглаживает вздыбленные волоски большим пальцем.

– Сильно болит? – переводит тему, продолжая бинтовать.

– Терпимо.

Воздух накаляется. Чувствую, что мужчина хочет что-то сказать еще, но я быстро здоровой рукой открываю, рядом стоящую сумку, достаю телефон и набираю номер мужа.

Игнат решительно вскидывает голубые глаза, уже открывает рот, но на мое спасение Андрей берет трубку.

– Привет, дорогой. У меня случилось небольшое ЧП, – тараторю я, – Забери меня, пожалуйста... Да, вызови такси, я адрес скину... Спасибо, родной, очень жду тебя.

Глава 15

Игнат

«Спасибо, родной».

Эти слова гвоздями врываются в область груди и раздирают там все к чертям.

Не тупой, понимаю, что звонит другому мужику. Кто он? Парень, любовник, муж?

Держу ее дрожащую, прохладную руку и не могу отпустить. Все вокруг замирает.

Вот она, моя Маша, сидят рядом, смотрит волком, хотя очень старается быть равнодушной и официально отстраненной. Ее звонок, как кувалдой по мозгам. Идиот. Даже в мыслях не возникало, что у нее может быть другой, наверняка семья, муж. Самонадеянный индюк, это же очевидно, столько лет прошло. На что я надеялся?

Но не могу отпустить ее, не могу принять тот факт, что проиграл, даже не начав завоевывать снова. Внутри все сжимается, душит отчаянием, в ушах гул, в голове упрямство.

Черт, нет! Не отпущу, только не тогда, когда снова, когда решил все исправить, переписать наше прошлое, искупить свою вину.

А ей это надо? Не знаю. Это надо мне. Эгоист! А если она счастлива, если я нахер не упал со своими чувствами, виной, которая съедает?

Блять, все равно не могу отступить, выворачивает всего, когда смотрю в родные глаза и чувствую не только свою мучительную любовь, но и ее боль, причиной которой есть я.

Рычать зверем хочется, выть, но не отпускать ее сейчас.

Попробую, все равно попытаюсь все исправить. Если замужем, если счастлива с другим, если узнает меня того, кем стал, но все равно оттолкнет, тогда уйду, уеду за тысячи километров и никогда больше не побеспокою.

Но попробовать должен. Обязан. Хотя бы для того, чтобы просто простила.

И к брату съездить нужно. Семь лет не был у него, с того самого дня, как он решил кардинально переписать свою жизнь. Не простил его тогда, всю ответственность повесил на эту девочку. И собственными руками лишил себя двух самых любимых людей в своей гребной жизни.

Придурок. Не жил все это время, просто на автомате перебирал ногами, но больше так невозможно продолжать. Обязан все исправить. Просто обязан.

– Маша...

Вскидывает испуганные глаза, забирает руку и поспешно встает.

– У тебя есть время. Выслушай, – настаиваю, нет, прошу, бескомпромиссно требую.

– Нет! Не хочу! Ты все сказал... Тогда. Этого достаточно.

– Я был неправ, – тоже встаю.

– Да ладно? – разворачивается ко мне, а в глазах вспыхивает злость.

Лучше так, пусть злится, приходит в ярость, лишь бы не видеть бегающую по зрачкам смешанную с болью ненависть.

– Игнат, то, что ты был неправ, я знаю. Знала и тогда. Сейчас это не имеет значения.

Маша быстро идет к двери, я дико хочу схватить ее, прижать к себе и все сказать.

Дверь открывается, на пороге кабинета застывает Оксана.

– Выйди! Не сейчас! – реву.

– Но... – показывает телефон, где на линии висит, видимо, кто-то важный.

– Позже! Выйди, – сдерживаю себя, иначе пугаю Машу, да и секретаря своего.

Дверь захлопывается, но Маша уже тянет руку, желая сбежать.

– Я люблю тебя! – произношу не своим голосом. – Люблю, Маша!

Хрупкая рука застывает над ручкой, плечи дергаются, Маша приваливается к стене, облокачиваясь спиной. Глаза закрыты, ресницы дрожат, дышит быстро и тяжело.

– А я нет, Игнат. Ты опоздал, – поднимает веки, глаза блестят. – Я не верю тебе, ни единому твоему слову. Ты и тогда говорил это, но обманул.

Подлетаю ближе, упираюсь руками в стену по бокам от нее. Стоит, не отталкивает, но и не шевелится.

– Я и тогда любил. Безумно. Но запутался в своих чувствах. Все смешалось в голове. Я любил тебя и ненавидел одновременно. Я виноват перед тобой...

– Тебе нужно мое прощение? Ради этого все?

– Да. Нет. Не только.

– Игнат, я прощаю тебя, понимаю, но видеть не хочу.

– Маша-а-а, – шепчу, как умалишенный, чувствую, что ускользает, нужно что-то делать. – Не уходи. Послушай. Я воспитывал его с детства. Когда отец погиб, а мать забухала, мне было восемнадцать, ему пятнадцать. Ты знаешь, я сам тянул нас, работал, его подростка заставлял учиться. Он оставался единственной моей семьей, кроме него, больше никого, но... Ты знаешь это. Я не сразу заметил, что Ником что-то не так, я круглыми сутками учился и работал. Он влюбился в тебя без памяти, но, видимо, слабость духа перешла по наследству. Я все понял только тогда, когда вызывал скорую, которая потом откачивала его после, сука, принятых горстями таблеток. Затем была больница, капельницы, психиатры. Я слетел с катушек, уже тогда устал морально, а его поступок просто добил. Но я любил его, а винил во всем тебя. Ник очухался, ему вправили мозги, да и он сам понял, что натворил, что подставил всех, не только себя. А когда он заявил, что бросает учебу и уходит в монастырь... Я тогда крушил в доме все без разбора. Он ушел, а я решил отыграться на тебе. Я чертов эгоист, знаю! Ты не виновата ни в чем. Никита просто оказался слабым, а я хотел заглушить свою боль и одиночество. Я остался один, не принял его выбор, считал это дуростью. Маша, прости меня! Я хотел отомстить тебе за брата, но влюбился сам. И здесь меня ждал еще один удар себе же под дых. Как я мог быть счастлив с девушкой, которую любит мой брат и из-за которой он отрешился от реального мира. Я потерялся. Я либо с тобой, но предаю брата, либо с ним, но предаю тебя. И я сделал неправильный выбор. Я уничтожил тебя и себя заодно. Никита же продолжил любить, просто новый объект – своего бога.

Я выдыхаюсь и замолкаю. Маша тихо стоит, а по щекам бегут нескончаемые дорожки слез. Я тянусь к ней, хочу коснуться, стереть воспоминания с лица, но она резко отворачивается, а я отталкиваюсь от стены и отступаю.

Нельзя давить, нужно набраться терпения, дать ей пространство. Легко не будет, да я и не рассчитывал.

Горло сжимает спазм, но мне плевать, хочу дотронуться до нее, обнять, прижать к себе, молить о прощении, вечность зализывать ее раны.

Телефон вибрирует.

– Да, – тихо шепчет Маша. – Спускаюсь.

Вытирает ладонями слезы, смотрит, в глазах упрямство, гонимое усталостью.

– Что ты от меня хочешь сейчас, Игнат? Прощения? Я даю его тебе. Много лет прошло, незачем ворошить старое.

– Нет! – иду ва-банк. – Хочу любить тебя, заботиться, каждый день доказывать, что достоин тебя. Можешь даже ненавидеть меня, только пусти в свою жизнь.

– Нет! – категорично.

– Маша, черт, я не отступлю! – внутри все клокочет, но я держу себя в руках, чтобы не спугнуть.

Я принял решение.

– И проиграешь.

Маша быстро отрывается от стены, распахивает дверь и вылетает из кабинета. Не останавливаю ее, не догоняю. Ей нужно все переварить. Подхожу к окну, жду, когда выйдет из здания, хочу еще увидеть свою девочку.

Вот она бежит. На дороге стоит такси, какой-то мужик выходит из машины, идет в ее сторону, обнимает.

Сука, разряд током в самое сердце.

Маша отстраняется, смотрит вверх, на мои окна, затем целует мужчину в губы и падает в салоне автомобиля.

– Р-р-р-р, – хрипло рычу, не выдерживая давления в груди.

Хватаю стакан и со всей силы бросаю в стену. По полу рассыпаются мелкие осколки. Осколки моего прошлого.

Глава 16

Маша

Я сбегаю. В буквальном смысле бегу от прошлого, которое только что снесло меня тараном. Ненадолго торможу у выхода, чтобы собрать мысли в кучу, перевести дух. Прикрываю глаза, восстанавливаю дыхание.

Игнат всколыхнул бурю эмоций: от пожара в душе из-за катастрофической близости до серой, прогорклой боли, что застряла в самых дальних уголках меня.

Внутри все трясет, перекрывая пекло на запястье, а в легких застревает запах, его новый запах. Раньше он пах свежестью, как мои мечты, с легким флером цитруса. Поэтому мне всегда казалось, что рядом с Игнатом меня окутывает праздник.

Сегодня, когда между нами с трудом помещалась ладонь, на меня повеяло ароматом терпкого миндаля, приправленного оттенком рома. Не могу точнее описать запах, но я стойко почувствовала, что он кричит об уверенном, категоричном, сдержанном мужчине, который может, как скинуть в темную бездну, так и поднять до пушистых облаков.

Хочу выкинуть из головы все его слова, признания, пылкую откровенность, но не могу. Он проник везде: в легкие, мозг, в чертову душу. Я видела в его глазах горечь, грусть, сожаления, заметила, как они из голубых превратились в серые тучи.

Я знаю этот эффект, выучила за семь лет. Артем, когда искренне плачет, переживает, испытывает внутренне смятение, всегда смотрит этими омутами, в которых застывает осеннее небо, сквозь тучи которого пытаются пробиться солнечные лучи.

Игнат не лгал, он все осознал, понял свою ошибку, вот только она стоила мне нескольких лет жизни в тумане. Можно все исправить, но только когда этого хочешь, а я больше не хочу. Спокойствие и размеренная жизнь лучше, чем эмоциональные качели, пусть и до искр из глаз, но никогда не знаешь, где свалишься.

Быстро выхожу на улицу, натягиваю сдержанную улыбку и иду к единственному такси у здания. Андрей выходит из машины, обнимает, но на лице маска непонимания. Еще бы, я и сама не понимаю, какого черта ему позвонила. Хотела разозлить Игната? Сделать больно? Скорее всего, вот только муж моего внезапного поступка не понял.

– Что случилось? – удивленно спрашивает муж, а я чувствую, как между лопаток прожигают дыру два бушующих океана.

– Сильно обожгла руку, плохо стало, но мне оказали первую помощь. Спасибо, что приехал, – тянусь к Андрею, коротко целую в губы и сажусь в автомобиль.

Боже, что я творю? Андрей подозрительно косится, от взгляда Игната сейчас загорится затылок, а я чувствую себя дрянью, которая сама не знает чего хочет. Я же уже все решила по поводу Андрея, лишь жду подходящего случая, но мало того, что для самой себя озвучить решение не могу, так еще и нелогично веду себя с ним.

А Игнат? Хочу показать, что счастлива без него? Черта с два, но допустим, на эмоции вывела. Дальше что? Как работать с человеком, к которому тянешься до потери сознания и в то же время хочешь никогда не видеть?

Это как есть Том-Ям*: дышать пожаром, лить горячие слезы, но при этом наслаждаться букетом мягкого вкуса.

Хочу остаться одна. Запуталась. Вообще никого рядом не хочу. Я люблю сына, маму и свою работу. Сейчас бы выкинуть всех мужчин из головы, уютно устроиться под теплым пледом с любовной историей и погрузиться в атмосферу счастья и яркого солнышка.

Но от проблем не убежать, и одну можно решить прямо сейчас.

Резко поворачиваюсь к Андрею.

– Знаешь, я решила, что нам больше...

– Да! – перебивает муж. – Давай больше не будем ругаться. Я услышал тебя вчера, правда. Хотел оставить новость до вечера, но раз ты позвонила... Я разместил везде объявление, что предоставляю услуги сантехника, побелить, покрасить, повесить полку, ну и разного рода работу. Сегодня было уже два вызова в нашем районе. Одной бабуле я починил кран, мужику помог шкаф на четвертый этаж занести. Заработал восемьсот рублей. Ни бутылки пива еще не выпил.

Шумно выдыхаю всю свою решительность, а Андрей только шире улыбается, считая, что это выдох облегчения.

Ничего не говорю, радоваться не получается. На лице мужа застывает выражение осознания своей вины и ожидание похвалы, а я понимаю, что не об этом в девичьей юности мечтала, не о заявлении, что в одиннадцать утра мой муж еще не выпил ни бутылки пива. Но видно, что он явно старается удовлетворить мои претензии, пытается что-то исправить.

Хватит ли его надолго? Не знаю, но момент резких жизненных изменений явно упущен. Или это я еще не созрела.

Выхожу возле школы. Домой ехать больше не хочу, а вот отгул все же возьму. Очень много уходит времени на все, кроме ребенка, а я обещала Тёме узнать насчет повышенной программы по робототехнике.

Показав руку завучу и пригрозив больничным, меня все-таки отпускают домой.

– Евгений, здравствуйте, это Мария, мама Артема Романенко. Я бы хотела поговорить о дополнительных занятиях для сына.

– Здравствуй, Мария. Меня сейчас нет в городе, но если вам удобно, можем поговорить по телефону.

– Я вижу, что Артем делает успехи, вы его хвалите, дома все заставлено в работах, станциях, технике из Лего. Что-то движется, с чем-то не справляется. Если у Тёмы все получается, может его перевести на уровень выше?

– Знаете, Мария, я с вами согласен, Тёма для его лет очень умный мальчик, но, к сожалению, я в будни работаю в другой компании и часто уезжаю в командировки на выставки. Но я знаю, кто вам сможет помочь. Я скину вам телефон одного преподавателя, он как раз занимается подготовкой ребят к конкурсам и дает индивидуальные занятия. Одно из направлений компании, в которой он работает – продвижением роботов-помощников на рынке, а также активный поиск новых умов. Ребят, которые делают успехи, потом к себе даже трудоустраивают.

– Ну, до трудоустройства нам очень далеко, но я буду вам благодарна, Евгений, за помощь.

– Отлично. Тогда сейчас скину инфу, а чуть позже позвоню Дмитрию и замолвлю словечко за Темыча. Вы останетесь довольны. За роботами будущее, и если вы реально хотите продвинуть в этой сфере Артема, то кроме этой компании в нашем городе вам больше никто эту возможность не даст.

– Я поняла вас, спасибо. Жду телефон и адрес.

Отключаюсь и нетерпеливо хожу кругами. Сын не только перенял у своего отца внешность, но и склад ума. Игнат закончил факультет Программной инженерии, и еще на четвертом курсе его пригласили на практику в крупную компанию.

У Артема же очень бурная фантазия и любознательность, он усидчив и обожает технику. Даже в свои шесть лет он иногда говорит мне такие вещи, о которых я, как женщина не имею представления. Дома валяются разные маленькие платы, какие-то проводки и большое количество наборов Лего. Его дико все увлекает, он с ходу улавливает логику построения схем, но в более сложных задачах помочь я сыну не могу, да и не надо. Для этого есть специально обученные люди.

Открываю пришедшее уведомление, читаю, готовая уже сейчас ринуться в бой и договориться за сына, но застываю на плывущих перед глазами черных буквах.

В сообщении указан телефон этого Дмитрия и место работы, от названия которой меня кидает в жар.

«...Дмитрий, компания «ПРОактив...».

Только адрес офиса другой.

Том-Ям* – традиционный тайский суп, который полюбился всему миру за фантастическое и неповторимое сплетение вкусов – ароматную пряность, приятную кислинку и обжигающую остроту.

Глава 17

– Тёма, сегодня бабушка после садика отведет тебя к Дмитрию, а я заберу. Помнишь?
– Помню.
– Все свои работы собрал?
– Только те, что мы делали с Евгением Михайловичем. А мне учителя по имени называть?

– Да, Зай. Он сказал, что так будет проще. Но, Тём, все равно по имени и на «вы». Сын кивает, мы одеваемся и выходим из дома.

– Маш, я сейчас на вызов еду и еще один будет вечером, – из подъезда с нами выходит Андрей, но ему в другую сторону. – Так что не теряй.

– Хорошо. Я Артема приведу домой и уеду к девочкам на встречу, так что ты тоже не теряй меня.

Андрей останавливается, и лицо искажается раздражением.

После разговора о моем девичнике и в психах ухода мужа, мы больше эту тему не поднимали, но я твердо решила, что на встречу пойду.

Во-первых, Марина празднует помолвку, и это важное для подруги событие я пропустить никак не могу, тем более из-за эгоизма Андрея. А во-вторых, мне в обязательном порядке нужно развезаться, иначе я на ком-то сорвусь.

Увольнение Андрея, его инфантилизм во всем, неважное самочувствие мамы и, наконец, появление в моей жизни Игната просто обрушили выдержку, и я на грани срыва. Нет, в истерику я впадать не собираюсь, хотя дико хочется, а вот совершить какой-нибудь категоричный поступок я уже хочу, но держу себя изо всех сил. Нельзя поддаваться эмоциям, нельзя.

– То есть ты все же идешь на свою попойку? – цедит Андрей.

– Иду, – отвечаю спокойно, но только чтобы не привлекать внимание сына. – Там будут только девочки с работы. Марине сделали предложение, поэтому у нас двойной повод.

– Маша, но я же просил тебя не идти. Или ты меня ни во что не ставишь?

– Андрей, я тоже много о чем тебя прошу, но особо не заметила, чтобы ты прислушивался ко мне. Этот раз. И второе, я тебе не рабыня, поэтому вполне имею право раз в полгода отдохнуть без семьи. В чем, собственно, проблема? После работы тебя покормят, а спать ты умеешь ложиться и сам.

Злюсь, разворачиваюсь, чтобы уйти, но муж снова останавливает.

– Проблема в том, что мы женаты два года, а я не чувствую от тебя любви и ласки. Я мужик, и мне нужно, чтобы меня ждали дома, смотрели влюбленными глазами, заглядывали в рот, в постели огонь баба была...

– Стоп! – поднимаю руку. – Тём, я забыла дома зонтик, сбегай, пожалуйста, принеси. Бабушка знает, где он лежит.

– На небе нет туч, мам, но я понял. Опять ругаться будете?

Поджимаю губы в досаде. Все он слышит и все понимает. Гадство. Медленно набираю воздух в легкие и резко выдыхаю.

– Это все? Ты решил именно сейчас об этом поговорить, перед сыном, когда на работу бежать нужно?

– А когда с тобой говорить? – еще больше вспыхивает Андрей. – День на работе, вечером то ужин готовишь, то с Артемом занимаешься. А мне вообще время не уделяешь. Я думал, ты хоть похвалишь, что я вывернулся, быстро работу нашел, а ты в игнор.

– Извини, Андрей, но радоваться нечему. Сначала ты потерял по своей же вине очередную нормальную работу, потом зарабатываешь восемьсот рублей за день, при этом ничего не

купив домой. Ты знаешь, чтобы твоя женщина была такой, какой ты описал, мужчина для этого должен что-то делать, а не лежать у телевизора все свободное время и делать из жены прислугу.

– То есть на сабантуй ты все же пойдешь? – шипит муж.

– Пойду, Андрей, но не тебе назло, а потому что это надо мне. Понимаешь?

– Я понимаю лишь то, что я в семье ничего не значу.

– А ты вот этим своим поведением и ультиматумом хочешь показать мне мужика в доме, что ли? – вскидываю брови в удивлении и понимаю, что все, назад дороги нет, не будет у нас нормальных отношений, никогда.

Я банально не уважаю своего мужа, поэтому Андрей прав, он в семье ни для кого ничего не значит.

Андрей открывает рот, чтобы сказать еще какую-то гадость, но из подъезда выбегает Артем, и я торможу мужа.

– Не сейчас! Давай вечером, когда я приду с кафе, мы сядем и поговорим. У меня есть что сказать тебе, но не сейчас и не при сыне.

Беру зонтик, Тёму за руку, и мы быстро уходим.

На работу я все-таки немного опаздываю, но, слава богу, никто из руководства меня не видит.

То ли от нервов, то ли потому что так и должно быть, но обожженное запястье начинает печь сильнее. Не могу найти себе место, в груди ноет тоска, хочется разорвать блузку, вместе с кожей и вымыть там все, прекратить это до раздражения мучительное уныние.

Еле высиживаю рабочий день, пытаюсь погрузиться в электронные книги, отсортировать в каталоге уже доступные по алфавиту, форме, жанру, но каждый раз возвращаюсь то к откровениям Игната, то к претензиям Андрея.

Что со мной не так? Почему я не могу построить нормальные, счастливые отношения ни с одним мужчиной? Не то, что их в моей жизни было много, всего-то два, но один не любил меня и бросил, другого не люблю я и тоже хочу бросить.

Но если разрыв с Андреем я переживу более-менее спокойно, то присутствие рядом Стрельцова сильно триггерит мое душевное равновесие. И самое болезненное в этом всем то, что я судорожно гоню мысли о том, что Игнат не знает, что у него есть сын, а Тёма никогда не видел своего папу.

Он спрашивал, я уходила от ответа, снова вопросы, и я врала. Артем вырастит и однажды поймет, что папа просто его бросил. Нет, не его, а маму, которая тогда была беременная им.

Изменилось ли бы что-то, семь лет назад, если бы я успела сказать Игнату о ребенке? Остался бы он или сказал сделать аборт?

А сейчас? Что будет, если он узнает о сыне? Смогу ли я сказать правду или снова буду врать, чтобы защитить себя от новой порции боли.

Черт, как же все сложно, как все тяжело и совершенно неправильно. У мальчика должен быть отец, а отец имеет права знать о сыне, но я совсем не представляю реакцию Игната. Оттолкнет? Не поверит? Возненавидит?

Слезы набегают на глаза, но я не хочу больше плакать. Я обещала себе той, из прошлого, что ни слезинки не пролью из-за мужчины, но в последнее время все тяжелее сдерживать свое обещание.

Сообщаю завучу, что уйду в Министерство образования, а сама бегу за сыном на занятия.

Образовательный центр нахожу быстро, он находится в том же здании, что и сам филиал «ПРОактива». Постоянно оборачиваясь, быстро уйду в крыло учебной секции, чтобы на свою удачу ненароком не столкнуться с нежелательным человеком. Адрес хоть и другой, но Игнат, как руководитель может внезапно появиться и здесь.

Вчера, когда я созвонилась с Дмитрием, мы договорились, что он сегодня оценит способности Артема и примет решение, берет ли он его на индивидуальные занятия. Тёма еще маленький, не особо умеет читать, не знает математику, основы физики.

Все его умения – это результат острого ума, хорошей памяти и сообразительности. Дмитрий сразу предупредил, чтобы мы не ждали от занятий заоблачных результатов. Артему нужно сначала изучить основную базу этой сферы.

Я это все понимаю, поэтому очень благодарна, что сына захотели посмотреть, пусть даже это компания Игната, но я все сделаю, чтобы у сына было перспективное будущее.

Стучу в учебный класс.

– Здравствуйте, Дмитрий. Я мама Артема, мы вчера с вами говорили.

– Да, здравствуйте, Мария. Приятно познакомиться.

Высокий, темноволосый мужчина подходит ближе и жмет мне руку. Рукопожатие осторожное, какое-то бережное, а горячая кожа моментально обжигает мои подмерзшие пальцы.

Молодой, чуть старше меня, симпатичное лицо и очень искренняя улыбка. В целом мужчина располагает к себе и вызывает доверие, особенно благодаря рекомендациям Евгения, основного преподавателя Тёмы.

– Взаимно. А где Тёма? – осматриваю класс, но не нахожу сына.

– Он вышел в туалет, но что-то его давно нет.

Выходим в коридор, Дмитрий осматривает мужской туалет, но Артема не находит. Внутри зарождается беспокойство, хотя я понимаю, что из здания незаметным он бы не вышел.

Разделяемся, и я бегу на поиски. Уверена, с Тёмой здесь ничего не могло случиться, а вот с каким-то макетом робота вполне. Неприятное предчувствие заполняет пространство в груди и рисует самые неподходящие картинки, а образ Игната не выходит из головы.

Ну, нет, этот день не может быть настолько плохим, чтобы кинуть меня под очередной поезд.

Заглядываю во все открытые аудитории, но Артема нигде не вижу, остается последняя дверь, и из помещения доносятся голоса.

Подхожу ближе и почти влетаю в класс, но замираю на месте, сердце бухает о ребра, а кислорода резко перестает хватать. Кажется, перед глазами дрожит пространство, и только слух обостряется до предела.

– Дядя, ну посмотрите, здесь зубцы изнутри гусеницы уже колеса. Нужно либо зубцы сделать шире, либо на колеса шины надеть, чтобы они не съезжали с гладкого пластика, – недоумевает такой оплошности мой сын.

– Вижу, парень, ты прав. Это работа одного нашего ученика, я обязательно передам его преподавателю твои наблюдения, – соглашается Игнат, поднимая с пола остатки какого-то изделия и внимательно рассматривая.

– Тогда не будете меня ругать? Я не виноват, что эта конструкция не выдержала моего внимания, – нахрапом парирует Артем, не отступая в патовой ситуации, которую я, конечно же, ожидала.

– Ты очень смывленный, знаешь ли, и сильно мне кого-то напоминаешь, но не могу вспомнить кого. Ты с папой сюда пришел? Может, я его знаю?

– Не знаете. Когда я был совсем маленьким, он уехал на испытание робота и пропал без вести. Он очень умный был, и я весь в него.

По телу бегут колющие мурашки, я отступаю назад, желая сбежать отсюда. Пусть Артема найдет Дмитрий, и тогда есть шанс, что Игнат меня не увидит.

– Мама! Мама! – слышу восторженный крик своего ребенка и столбенею. – Не ругайся только, я тут немного нашкодничал, а дядя Игнат сказал, что если определю причину неустойчивости вездехода, то меня обязательно возьмут учиться в их школу.

Прятаться уже нет смысла, ко мне подлетает сын и крепко прижимается к животу.

Игнат медленно встает с корточек и не сводит с меня ошарашенных глаз. Я, как в бреду смотрю прямо в его голубые глаза и тихо, не своим голосом спрашиваю сына.

– Я уверена, что ты все правильно ответил, родной мой. Я права?

– Да, – Тёма поднимает вверх лицо, и точно такие же голубые глаза светятся восторгом.

– Я умный, как и папа.

Сглатываю и мучительно улыбаюсь сыну, а воздух вокруг нас электризуется и начинает трещать.

– Я в тебе даже не сомневалась. Идем, нас Дмитрий ждет.

Беру сына за руку, но не успеваю сделать и шага, как до меня доносится резкий, ледяной голос Игната.

– Стой! Ни шагу дальше!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.